

Игорь Ковальчук

БАСТАРД

Сын короля Ричарда

Бастард

Игорь Ковальчук

Бастард: Сын короля Ричарда

«Лениздат»

2005

Ковальчук И.

Бастард: Сын короля Ричарда / И. Ковальчук — «Лениздат»,
2005 — (Бастард)

Подлинные короли Британии, сами не ведая о том, были носителями великой магической силы, передававшейся из поколения в поколение. Ричард Уэбо, бастард Ричарда I, прозванного «Львиным сердцем» и не имевшего законных сыновей, случайно наследует великий Дар. Он хочет стать рыцарем без страха и упрека, но служители Зла начинают охоту за его Наследством.

© Ковальчук И., 2005

© Лениздат, 2005

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1	10
ГЛАВА 2	16
ГЛАВА 3	26
ГЛАВА 4	34
ГЛАВА 5	43
ГЛАВА 6	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Игорь Ковальчук

Бастард: Сын короля Ричарда

ПРОЛОГ

Туман заволакивал лес – зябкий утренний туман, который с наступлением рассвета оседает росой на траве и листьях, а весной или осенью зачастую еще и схватывается изморозью. Уже развиднелось настолько, чтобы найти путь в лесу, но, помимо тех, кому не дают покоя срочные дела, все еще почивали в объятиях сна. Сон особенно сладок, ибо лишь он хоть иногда, хоть на короткое время позволяет забыть, что человеку, чтобы выжить, необходимо совершать уйму обременительнейших действий, – как же его не ценить? В несусветную рань поднимаются лишь купцы, дорожащие каждой минутой бодрствования, разбойники, гонящиеся за купцами, да еще, пожалуй, гонимые.

Молодой человек, ехавший сквозь затянутый паутиной тумана лес, не походил на купца. Не был он и разбойником, с первого взгляда ясно – одинок, слишком аккуратно и неплохо одет. Вооружение у него имелось, но оно напоминало скорее то, которым пользуются рыцари и знатные дворяне, – меч, длинный кинжал, ни лука, ни тем более арбалета. Под расстегнутой курткой, накинутой лишь для вида, а не для тепла, блекло, наподобие рыбьей чешуи, переливалась кольчуга довольно мелкого, ровного плетения, а разбойники нечасто носят кольчуги – слишком это дорогое удовольствие. Молодой мужчина изредка понукал лошадь идти быстрее, но спешил, похоже, не по необходимости, а больше по привычке, кроме того, его еще не отпустила цепкая хватка утреннего полусна.

С узкой тропки конь выбрался на утопанную дорогу, прорезающую лес с юга на север, и повернул налево. Здесь всадник погнал его уже настойчивей – земля под ногами была ровней, редко где – выступающие корни, о которые можно запнуться. На понукания конь не отреагировал и только после шлепка по крупу прибавил шаг.

Всадник держался в седле так уверенно, что, наверное, мог бы даже вздремнуть на ходу, но почему-то бодрствовал. Кольчуга, которая, должно быть, весила все тридцать фунтов, – если и меньше, то ненамного, – он словно бы не замечал. Здесь сказывалась привычка. Русые волосы его выбивались из-под круглой шапочки, больше напоминающей подшлемник, а к седлу прикреплена была кожаная сума, оттопыривающаяся так, как если бы в ней лежал именно шлем. Лицо у наездника было еще молодое, гладкое, с коротенькой бородкой и усами, но две складки возле губ уже имелись – те, что говорят о твердости и упрямстве. Ясные серые глаза смотрели на мир со спокойной уверенностью, и во взгляде, как и в посадке головы, была величественность, которую воспитать нельзя, а можно только получить с наследством от родителей. Он поглядывал не только вперед, но и вправо-влево, хотя, кажется, что можно с пристальным вниманием высматривать в совершенно безлюдном лесу... Безлюдном? В паре десятков шагов впереди затрещали ветки, и с дерева рухнуло какое-то грузное тело, судя по заглушенным звукам разнообразных, не очень понятных выражений, – человеческое.

В первый же момент всадник выхватил меч, огляделся, помедлил и направил коня к человеку, натужно охающему на груди палой листвы, держась за бока. Упавший, конечно, заметил приближение конного, но, казалось, не желал никак реагировать на очевидное, только поглядывал из-под полуприкрытых век и постанывал сквозь зубы.

– Что, птичка, ветка попалась тонковата? – спросил молодой человек, не убирая, впрочем, меча, и не изъявляя желания спешиться.

– Да вот, ненадежная оказалась, – не без юмора ответил ушибленный.

Он выглядел не то чтобы ободранным, но каким-то неухоженным. Одежда его видала виды и носила несомненные следы ночевки то слишком близко от костра, то слишком далеко – на лапнике и шишках, была порвана о ветки и сучки и потом заштопана явно не женской рукой. Кроме того, вооружен неудачливый «обитатель дерева» был только большим ножом, а это настораживало. Путешественник и насторожился.

– А что ты там забыл? – Он показал на дерево. Упавший молча улыбался, потирая оцарапанный о ветку локоть, вылезавший из большой прорехи на рубашке – видимо, о тот же сучок и порванной. – Где лук оставил?

– А там. На дереве.

– Тогда ясно, что ты там делал, – помедлив, довольно равнодушно заметил конный.

– А ты как думал, Дик? – ушибленный развеселился. – Как чужих жен охобачивать, так это ты пожалуйста, а как отвечать, так не хочу?

– Твоей жены я, кажется, не трогал.

– А зачем графу Йоркскому самому за тобой по лесам бегать? На ногу ты скор. Он лучше заплатит опытным людям.

– И сделает так, чтоб о веселом нраве его жены узнала вся Англия? Правильный подход.

– Тебе-то до его резонов не должно быть дела. И железкой лучше не маши, а то убивать будем неторопливо, со вкусом.

– Понятно. Я должен послушно ждать, пока меня зарежут, потому что этого очень хочет ободранный лесной бандит.

– Потому что этого хочет граф Йоркский. – Разбойник многозначительно поднял палец.

– Я разве был сервом графа Йоркского? – Путник пожал плечами.

Затрещала еловая поросль, и на обозримое пространство выбрался еще один живописно одетый и кое-как вооруженный разбойник. Он поскреб бедро, которое оцарапала колючая ветка, и поднял лук.

– Хватит болтать. Давай, господин рыцарь, слезай с седла, сымай кольчугу. Кольчуги нонеча в цене.

– Ну ты хам. – Конный качнул головой. – Ты кого назвал рыцарем?

Когда именно в процессе беседы он извлек из ножен у пояса метательный нож, никто из присутствующих не заметил. Теперь ему осталось лишь размахнуться. Резкое движение, стремительный бросок – и бандит с луком, на свою беду вылезший из колючего укрытия, схлопотал нож в глаз по самую рукоять.

– Повезло, – буркнул себе под нос путник, поименованный Диком, одновременно падая с седла, потому что слезать было бы долго. Его ловкость оказалась кстати: вслед тут же свистнули две стрелы и воткнулись в землю неподалеку. Обе были ярко раскрашены, видимо, чтобы легче было находить их в траве или среди тел. Древко и оперение – ерунда, главное – наконечник. Наконечники не растут в лесу, в орешнике, их надо ковать. В чащобе это довольно сложно. Даже, пожалуй, невозможно.

– Так, двое с луками.

Он вскочил на ноги и отмахнулся мечом от разбойника с большим топором, успевшего подбежать к нему из-за дальнего неохватного дуба. Тот, спешивший изо всех сил, запыхавшись, не смог рассчитать удар и махнул топором слишком высоко – к удовольствию несостоявшейся жертвы. Дик с легкостью отразил удар – вскользь, чтоб не повредить клинок. Еще на одно движение – на отскок – хватило разбойника, и, несмотря на резвость, меч все-таки догнал его. Рана была, возможно, и не смертельна (то есть не должна была мгновенно вызвать смерть), но на большинство раненых сильное впечатление оказывает сам факт ранения. Мужчина побледнел, как юная девушка, и схватился свободной рукой за бок. Вторая – с топором – опустилась, и Дик не мог этим не воспользоваться. С противником надлежало расправиться как можно скорее, поскольку нетрудно было догадаться, что остальные бандиты вот-вот по-

поспеют. Клинок наискось врубился в лицо лесного находника, и душа его порскнула прочь. Дик же, оттолкнув в сторону мешком падающее тело, бросился бежать.

На самом деле на ноги, да еще в лесу, он не слишком рассчитывал и не убежать хотел, а оторваться от разбойников, сбившихся в кучу. Главная цель – растянуть их в тонкую цепочку, с каждым звеном которой можно было разбираться поочередно.

За одним из тех стволов, что он миновал, оказался еще бандит, совсем мальчишка, так и оставшийся сидеть в засаде, Парнишка внезапно увидел рядом бегущего крепкого мужчину с окровавленным оружием в руке и перепугался до смерти: он развернулся и понесся прочь, напролом через молодую поросль и высоченные разлапистые папоротники. Видимо, нападение всей толпой на одного он представлял себе как-то иначе, безопасней, что ли. Дику было не до юнца. Он пожал плечами и повернулся, чтоб встретить первого преследователя сильным выпадом, надеясь, что тот не успеет затормозить.

Бандит успел. Рослый, широкоплечий, похоже, оружием он владел неплохо. Мужчины сцепились всерьез. Дик был ловчее, его противник – крупнее и сильнее. На грубой малопо-движной физиономии разбойника появилась самоуверенная усмешка – у него не было ни малейшего сомнения в собственной победе. Но Дика эта уверенность несколько не лишала воли к битве – немало на своем веку он повидал таких гордецов. Некоторых ему случилось отправить на тот свет.

Молодой воин еще не устал, потому вертелся с ловкостью, достойной кошки, еще и за тем успевая следить, чтоб к нему не подобрался сбоку. Потом обогнул пенек и бросился бежать, решив, что для него сейчас предпочтительней другой расклад и совершенно иное расположение противников. Главное было – рассчитать траекторию движения так, чтоб сперва наткнуться на самого слабого. Понятно почему: со слабым больше шансов справиться до того, как набегут другие желающие выпустить кишки превратившемуся в дичь человеку. С этим самоуверенным здоровяком придется разбираться вдумчиво, желательно без спешки, без боязни рассчитать и нанести удар сбоку, не отвлекаясь.

Следующему встречному Дик сам заступил дорогу. Его обнадежило то, как разбойник держал топор, и, начав схватку, он убедился, что несколько не ошибся: парень, похоже, привык рубить этим топором не столько людей, сколько дрова. Да еще, пожалуй, медведей. На его беду, человек куда изобретательней медведя, в особенности тот, кто более-менее владеет оружием. От прямого рубящего удара сверху Дик не просто увернулся, а даже смог позволить себе потратить пару мгновений чтобы прикинуть, куда бить. Выбрал живот, присел немного и от души налег на рукоять лезвия, вошедшего легко, – под верхней одеждой не оказалось никакого, самого простенького доспеха, хотя бы кожаного.

«Три!» – продолжил он свой мысленный счет и бросился бежать с того места, где стоял. И вовремя. В ствол дерева по правую руку от него почти по оперение вонзилась короткая арбалетная стрела. Дик на бегу пошарил по поясу, где висел второй метательный нож, оглядел деревья, нашел взглядом арбалетчика, которого приметил еще раньше, когда оглянулся на выстрел, метнул, не попал и побежал дальше.

«Не повезло», – мог бы прокомментировать он, но не стал и пытаться – из экономии времени. Что ж, не всем и не всегда везет, с этим приходится мириться. Он перепрыгивал через кусты и купы папоротника и все выписывал петли, по крайней мере очень стремился к этому. К счастью, он оказался более быстроног, чем преследователи. И, пожалуй, не только этим мог взять: он действительно все рассчитал и, когда развернулся и помчался в обратную сторону, налетел как раз на арбалетчика. Разбойник было обрадовался, поднял арбалет, выстрелил – и не попал. На самом деле попасть в бегущего даже для мастера – задача не из легких, а вряд ли настоящим мастером мог оказаться тот, кто, будучи разбойником, пользовался не луком, а этим медленнострельным оружием. Очевидно, что воин бежал не по прямой, и бандит раскрыл свою неопытность (а может, нервозность) тем, что выстрелил слишком рано, не в упор,

потому и промазал. Он попытался подставить под прямой рубящий удар меча свой арбалет, и деревянная, скрепленная металлическими деталями конструкция разлетелась на куски.

– Квиты! – выдохнул Дик, приканчивая его и имея в виду, собственно говоря, последовательные промахи. Выдернул клинок и опять же вовремя увернулся за дубовый ствол, чтоб не попасться под ноги здоровяку с мечом – все по очереди.

– Стой! Стой, гаденыш! – гудел сзади здоровяк, продираясь сквозь стволы молодых елочек с таким шумом, какого не сотворит, наверное, даже десяток медведей в малиннике. Убегая от него, Дик пересек дорогу и снова углубился в лес – и налетел в аккурат на одного из лучников, на свою беду слезшего с дерева посмотреть, что же происходит. Возможно, он решил, что путника уже прикончили (а это логично – шестеро-то на одного!) и обирают, только ему не сказали. Вид целой, невредимой да еще и вооруженной «жертвы» повлиял на него деморализующее. Разбойник бросил лук и развел руками:

– Я сдаюсь.

– Да что ты говоришь! – ответил Дик, закалявая его. – Я, похоже, не заметил.

Тут же вспомнил, что у него закончились метательные ножи, наклонился, бегло обыскал убитого. Его интересовал только нож. К счастью, то, что имелось, вполне годилось для метания. Второй лучник, судя по всему, оказался умней, и, чтоб не попасть под прицел, воину пришлось прятаться за деревьями. А поди метни нож в того, кто большую часть времени скрыт ветками и листвой. Дику пришлось накрутить немало кругов, чтоб выбрать-таки подходящее место, с которого лучник был виден. Тут-то и обнаружили все недостатки сидения на дереве, и в первую очередь то, что увернуться, балансируя на ветке, невозможно. Сложно даже просто посмотреть назад. Для уверенности путник не примеривался долго и, выскочив из-за ствола дуба, метнул нож. Лучник, словно получив полновесный подзатыльник, свалился с ветки – это могло говорить только о точном попадании.

Теперь задача Дика упрощалась. Он с энтузиазмом накинулся на преследователей и принялся рубиться так, как его учили – от души и с выдумкой, так, как наверняка не могли эти недотыки. Разбойники, уже привыкшие к тому, что «жертва убегает, а они догоняют», опешили от смены ролей. Они были темные, простые люди, не размышляющие слишком долго над проблемами (они вообще размышлять не привыкли – это задача главаря). В их сознании схема была предельно проста: если убегает – значит, слаб; если нападает – значит, силен или думает, что силен. А если сначала убегает, а потом нападает – странно. Что ж получается, слабак хочет поскорее все закончить? Мысли про тактику и стратегию отродясь не отягощали их головы, да они и не слышали никогда подобных слов. И набросились на путника с удвоенной энергией, толкаясь и мешая друг другу. А это расклад, о котором человек умелый может только мечтать. Дик справился с этими тремя бандитами даже быстрее, чем ожидал, и на миг пожалел, что с самого начала не предпринял подобного шага. Глупая мысль, конечно, это он понял тут же. Все было сделано правильно. И на очереди оставался главарь.

А он как раз вырвался из еловых зарослей. Физиономия его покраснелась, и на ней отражена была такая предельная досада, что на сердце у Дика стало тепло.

– Стой! – проревел он и лишь после этого повеял, что нахальный молодец, так упорно выживающий в ситуации, в которой ему выживать не полагается, ждет его в неподвижности, готовый к бою.

То, что отразилось на его грубом лице, проще всего выразить словом «наконец-то!». Он набросился на врага с облегчением и даже с долей признательности за то, что эта погоня по лесу наконец-то завершилась.

– Сколько ужом ни вейся, – тяжело дыша, сострил здоровяк, – а я тебя все же зажу. – И сам расхохотался над своей шуткой. Замахнулся.

Дик отразил меч противника, ударил сам, прямым юлющим выпадом, которого отвлекшийся на остроту бандитский главарь не успел отбить. Кончик отлично закаленного клинка

пробил кожаный, укрепленный металлом доспех (прошел как раз между двумя пластинами) и проткнул разбойника до позвоночника.

На лице здоровяка появилось выражение крайнего недоумения. Впервые, не пьяному, руки отказали ему, отказало все, что до сей поры так верно служило, – его собственное тело. Он непонимающе и с несомненной угрозой посмотрел на врага, возможно надеясь приструнить его, попытался махнуть правой, вооруженной рукой, но не смог.

– А вот так! – Если б Дик мог развести руками; наверное, он бы это сделал.

Разбойник вздохнул, затрясся и грузно осел на землю.

– Прямо как папаша, – были последние слова этого человека, не поверившего, что всему пришел конец. Неизвестно, кому они были адресованы и о оком повествовали, но черты лица Дика отвердели.

ГЛАВА 1

Он был сыном корнуоллской дворянки из небогатого и не очень знатного рода. Столь же скромно было положение супруга его матушки – этот дворянин владел замком с единственной покосившейся башней, тремя деревеньками да угодыми к ним. Впрочем, несомненный дворянин Этельвольд носил шпоры и даже как-то привез с турнира доспехи и коня побежденного им рыцаря, но в общем среди вассалов герцога Корнуоллского авторитетом не пользовался. Что же до его жены, то единственным примечательным в ней было то, что ей случилось родить ребенка от принца.

Ни о чем серьезном это не говорило. Ричард, которому за его свирепость и любовь к воинским забавам вскоре дали льстивое прозвище Львиное Сердце, любил пользоваться попадающимися по дороге женщинами, когда был в походе, а в кочевом состоянии он с двенадцати лет находился практически непрерывно. Причем не имело ни малейшего значения, какого рода и положения женщина – простолюдинка или знатная, девушка или замужняя, – лишь бы была молода и стройна. Любил наследник Престола и ядреных, а под пиво или вино любил кого попало, без различия знатности, пола и возраста. Так уж случилось, что однажды в Корнуолле, разбираясь с баронами, взбунтовавшимися против некоего начинания короля Генриха, Ричард приказал привести к себе именно супругу Этельвольда, а не крестьянина, именно эту, а не ту, – все было чистой случайностью. И также чистой случайностью можно объяснить тот факт, что Алиса понесла от властителя. К моменту ее появления на ложе принца, одновременно графа Пуату и герцога Аквитанского, со своим супругом она прожила в браке уже четыре года, но упорно не рожала ему детей. Теперь же забеременела, и этот явно незаконнорожденный (явно для всех, потому как муж как раз в это время находился в отлучке, воевал под знаменами сеньора, герцога Корнуоллского, против суверена) стал ее первенцем.

Вернувшийся после годовой отлучки супруг подождал, пока жена родит, немного оправится, поколотил ее как следует для порядка, но на самом деле отнесся к ситуации с пониманием. В глубине души он даже был рад, что под сводами замка наконец-то зазвучал детский голосок, пусть и издаваемый бастардом. Окончательно с позором его примирил тот факт, что, произведя на свет мальчика, названного матерью Ричардом, в честь отца, она начала исправно рожать от собственного мужа. На женщину, родившую тебе долгожданных сыновей и дочек (общим числом семь), да еще по большому счету невиновную, сердиться сложно. Чтобы развеять подозрения, муж расспросил слуг, поговорил с крестьянами, что как раз в тот день возили в боевой стан мясо, убедился, что о склонности его супруги к наследнику престола не было и речи, и успокоился. Он, в сущности, был хорошим мужем.

Ричард, самый старший, рос без особого присмотра. Им занимались псарь и единственный сержант замковой охраны, у которого под началом было аж двенадцать человек, по случаю мирного времени занимающихся чем попало – охотой, рыбной ловлей, кузнечным, шорным и бочарным делом, даже иногда пахотой и покосом – в деревне рук всегда не хватает. Бастард с удовольствием ездил верхом, упражнялся с оружием («Еще бы, при таком-то отце», – ворчал отчим, недовольный, что его собственные отпрыски отстают), возился с собаками. Когда пришло время старшего сына Этельвольда и Алисы отправлять в монастырскую школу, тот заартачился, воя: «А почему это Дику туда не надо? Он старший, пусть тоже мучается!» – и Ричарда отправили учиться грамоте вместе со сводным братом.

В монастыре науку вбивали розгами и палками, и, может быть, только потому бастард вообще хоть что-то запомнил из всей головоломной премудрости, его же брат не запомнил ничего.

– Будешь при мне писцом! – заносчиво бросил он Ричарду, уже осознав к тому моменту, кто из них двоих старше по правам.

– Не буду! – высокомерно ответил ему Дик.

Завязалась драка, окончившаяся поркой для обоих, что не было новостью ни для одного ученика монастырской школы. Известная закономерность – чем больше мальчишек порешь, тем больше они озорничают, так что розги были скорее привычкой, чем средством.

За два года Ричард выучился вполне сносно складывать буквы в слова, а по возвращении домой обнаружил, что в Библии – единственной книге на десять окрестных замков (отчим получил ее в наследство от воинственного батюшки, в свое время с удовольствием грабившего соседей) – были описания битв. Их все он прочитал со вниманием, что послужило равно закреплению навыка чтения и расширению глубочайшего интереса ко всему воинскому. Он расспрашивал о битвах отчима, сержанта и очередной крестьянской девке или бабе на сеновале с упоением пересказывал услышанное. Крестьянкам было совершенно все равно, что слушать, он же не ждал какого-то ответа, наслаждаясь тем, что знал сам, и, таким образом, обе стороны оказывались довольны.

Отчим поощрял в Дике интерес к Библии (а куда еще идти незаконнорожденному, как не в монастырь?) и к военному делу, которое само по себе единственное достойно мужчины, даже служителю церкви не помешает. И когда выяснилось, что ни монаха, ни священника из мальчишки никак не получится, выделил его достойно, словно, покоряясь обстоятельствам, признал своим – пусть не старшим, но все же сыном. Ему он отдал доспех и оружейную справу, даже меч – все трофейное (свое-то предназначалось родному сыну). Все воинское железо он хранил с величайшим тщанием, и доспех несколько не пострадал. Ричард взял его с радостью – он не рассчитывал на подобный подарок судьбы. Критически оценивая, отчим отдал пасынку целое состояние – стадо в сорок дойных буренок во главе с быком. Коня, конечно, тоже дал, и не последнего, не из-под сохи, стоившего не мало. Понятно, что Дик не собирался продавать все это богатство. Он собирался им пользоваться.

Имея доспех, ничего нет проще пристроиться в войско какого-нибудь графа или даже короля. Можно быть принятым в замках, можно есть за одним столом с хозяевами – при наличии доспеха, оружия и коня ты настолько же выше простого голодранца, бродяги, шатающегося по дорогам, насколько Бог выше любого светского владыки. Сперва Ричард отправился ко двору герцога Корнуоллского, потом его потянуло на север, в Йорк, и в замке Бальдера Йоркского он встретился взглядом с его молодой красавицей женой – с Альенор. Неизвестно, с чьей стороны было больше склонности, но завязавшийся роман был не из тех, что лишают разума и с неизмеримых высот восторга швыряют в непроглядные бездны страдания, а из тех всего лишь, что приятно будоражат кровь и огнем играют в жилах, и не партнер важен для сердца, а само чувство. Если говорить проще, то Альенор просто скучала, да и Ричард бы не прочь развлечься, любовь их не связывала. А что обо всем узнал граф... Ну что ж, бывает и такое... Не повезло. Причем всем троим. Хорошим тоном в свете считалось не обращать внимания на шалости супруги или обращать, но так, чтоб это осталось незаметным для окружающих. Никто не должен был знать о неурядицах в семье.

Но граф переступил эту черту. Охваченный яростью, Бальдер принялся упорно преследовать Дика где только возможно, поневоле попутно растрезвонивая обо всех своих семейных неурядицах. И Ричард, отбиваясь от подосланных убийц, только мысленно ухмылялся – если графу угодно выставлять себя болваном – его право. А мести молодой человек не боялся, как по своей молодости не мог еще бояться смерти.

Он считал себя счастливецом, и вот на этот раз, как и прежде, умудрился не только избежать смерти, но и выйти с честью из трудного положения – разве это не лишний повод для его уверенности?

Дик обыскал бандита, осмотрел его меч – так себе – и вернулся на дорогу. Пришлось пройти по ней какое-то расстояние, прежде чем он нашел то место, где все началось.

Конь лежал поперек дороги, и по его виду любой, кто имел хоть какое-то представление о лошадях, понял бы, что животное бездыханно. Ричард выругался так, как еще ни разу до того: пешком идти ему совсем не улыбалось. Но выбора не было – после разбойников лошадей не осталось. Он нагнулся осмотреть коня – похоже, лучники наспиговали животное стрелами, пока его хозяин дрался с самым первым бандитом. Как только в самого Дика не попали! Как только он умудрился этого не заметить!

В состоянии крайнего раздражения он нашел в чаще всех ранее убитых, обыскал их, но того, что при разбойниках нашлось, хватить должно было самое большее на захудалую крестьянскую лошадку, не на боевого коня. Скрипнув зубами, Ричард сорвал с предводителя шайки золотой дутый браслет и витую тонкую гривну, надеясь выручить за то и другое недостающую сумму. Но даже деньги и ценности не могли поправить ситуации – идти придется пешком, причем до города, потому что в деревне боевые лошади не водятся. И Дик пошел, взвалив на себя сумки, которые до того вез конь. Тяжелые!

Он шел и вспоминал Альяenor. Красивая и веселая молодая женщина, при всей своей хрупкой внешности она была очень бойкой и решительной, и молва приписывала ей множество любовников. На молву Ричард никогда не обращал внимания, но поневоле отметил, что прежде ему никогда не встречались такие многоопытные, изобретательные и раскованные женщины, как изящная, похожая на цветок графиня Йоркская. С ней он расстался без сожаления, потому что, как и многие мужчины, инстинктивно стремящиеся властвовать, отдавал предпочтение слабым и нежным девушкам, которых нужно направлять, которые полагаются и покоряются, а не тем, которые твердо знают, что им от мужчины нужно, и поэтому мужчин используют. При всей внешней раскованности внутренне, в своих пристрастиях он был, традиционен.

По поводу того, что оказался объектом охоты, молодой воин не огорчился. За все надо платить, не так ли? За удовольствия тоже.

Ричард заметил боковую тропку и, не тратя время на размышления, пошел по ней. Здесь дорога делала поворот, а пройдя по тропке, можно немного срезать путь. В лесу Дик был не впервые и заблудиться не боялся. Что же касается разбойников – вряд ли. Бандиты строго делят охотничьи территории и соблюдают их границы строже, чем хищники. Значит, расправившись с одной компанией, можно не беспокоиться тут же наскочить на другую. Он шагал размашисто и упруго, так, как ходят привычные к долгой ходьбе люди, и голова его была полна мыслями и воспоминаниями. Ему было невесело, и все из-за того, что нет коня, к которому он привык. Конь не просто верховое животное, это друг и помощник воина, и недаром говорится, что три близких существа есть у мужчины – конь, собака и жена. Ричард чувствовал себя овдовевшим.

Он сам не заметил, как свернул с тропки на едва заметную стежку, и остановился лишь тогда, когда вышел на полянку, узкую и длинную, как нож, где обнаружилась прикрытая дерном хижина с плетеной из прутьев дверью. В стороне, но рядышком имелся разломаченный сверху топором пенек, на котором и теперь невысокий, уже при-согнутый годами, но еще явно крепкий старичок колот дрова, причем делал это очень ловко. Оставалось только удивляться, что звук топора не был слышен раньше.

Старик расколол узловатое поленце и повернулся к Ричарду неторопливо, с достоинством, словно заранее знал, что от путника не стоит ждать беды. У него оказались ясные, яркосиние, чистые, как родниковая вода, глаза. Лицо избородили морщины, но не те, что похожи на складки старой коры, поросшей мхом, и скрывают облик, а те, что лишь примета времени, не более. Под рубашкой – белой с зеленой линиялой вышивкой – угадывались мускулы, особенно когда старик взмахивал топором. Взгляд его Ричарду сперва понравился, потом не понравился – слишком пронизывающий.

– Приветствие, путник, – сказал старик. Его голос несколько не дребезжал. – Заходи, будем обедать.

– Спасибо, – поблагодарил Ричард. – Но я спешу.

– Нет нужды спешить таким чудесным утром. «Верно, еще же утро! – вспомнил молодой воин. – А я не ел...»

– К сожалению, есть. За мной гонятся.

– Дадут боги, не найдут тебя здесь.

– Ты, дед, никак язычник? – вырвалось у Дика. Тот неопределенно усмехнулся. – А не боишься, что те, что за мной гонятся, и тебя заденут? За компанию?

– Я ничего не боюсь, – посуровел старик. – Лиходеи пусть боятся. Так заходи...

Ричард пожал плечами и вошел в хижину.

Жилище оказалось необычно опрятным, словно женская рука беспокоилась о чистоте земляного пола и утвари, скребла столешницу, лавки, стирала покрывала и занавески. Везде были развешаны пучки сухих растений, и воздух напоен смесью ароматов, когда приятных, а когда и слишком резких. Гость аккуратно сложил поклажу у входа, огляделся, примечая и следы воска от свечи на столе, и несколько странных свитков на полочке у окна, и отсутствие распятия. Впрочем, само по себе его отсутствие ни о чем не говорило, но вот то, что старичок поминал богов... А какая разница, Дик ведь не священник и не фанатик и сам в прошлом месяце не нашел времени не то чтобы сходить на мессу – даже просто заскочить в храм, прочесть молитву.

Старик принес охапку дровишек и щепы, сноровисто растопил очаг и весело покосился на гостя.

– Гусятинки отведаешь?

– Ты, дед, никак браконьер, – развеселился тот.

– Ни-ни. Не охочусь. Сами прилетают. Я не ем но гостя попотчую. Хлеба нет, есть лепешки. Вчерашние. И мед.

– Королевский обед, – ответил Ричард и, вспомнив отца, поскущел.

Увидев аппетитную снедь, молодой воин понял, как проголодался. Ничто так не способствует хорошему пищеварению, как первосортная драка рано поутру. Отрывая куски холодной гусятины, он краем глаза следил за хозяином, тот же все продолжал хлопотать. Извлек маленький горшочек с медом, лепешки, завернутые в тряпицу, несколько мелких луковиц. Насыпал горсточку старых прошлогодних орехов, и только после этого присел на лавку у стола. Самый крупный орех весело хрустнул у него в пальцах, узловатых, как корни.

– Силен ты, дед.

– Да не слаб.

– Потому и не боишься сторонних? Старик смотрел на него со странным, загадочным выражением.

– Не только потому, что сила есть в руках.

Ричард перестал жевать, с любопытством рассматривая хозяина. Тут же на глаза будто нарочно попался дубовый посох, обвитый вырезанным по дереву узором, напоминающим чешую змеи, прислоненный к стене, – предмет, раньше не обращавший на себя его внимание. Да травы, да какие-то свитки, да воск, отсутствие распятия...

– Ты, дед, никак колдун.

Старик покачал головой:

– Вот еще! Ни в коем случае. Я – друид, служитель круга.

В Дик стал осматривать жилище друида более внимательно. И заметил то, на что не обратил внимания раньше, – руны огама на угловатом бруске притолоки. Огам он, конечно, прочесть не мог, но знал, что это такое.

– Ты из Ирландии, что ли?

– Нет.

– Здешний? Как ты только церковникам до сих пор не попался...

Старый друид усмехнулся одними губами:

– Руки коротки.

– А, ну да, ты же это... сильный кол... то есть друид. Всякие там кусты на пустом месте... А ты можешь вот этот лес заставить... Ну, чтоб он встал и ушел отсюда?

– А зачем тебе это нужно?

– Мне? Не нужно. Просто интересно.

– Сейчас не могу. Раньше мог.

Лицо его окаменело, на щеках бороздами пролегли глубокие морщины, и оно стало величественным – хоть сейчас на монеты. Ричард только теперь понял, что старик и в самом деле не шут гороховый, а человек, обладающий какой-то реальной властью, возможно, и немалой. Он уронил кусок лепешки на пол и даже сперва не заметил этого. Из-под дальнего края лавки тут же вылезло небольшое, худенькое и пушистое существо, в котором можно было узнать котенка рыси. Рысенок на мягких лапках подобрался к упавшему куску, понюхал.

– Ногой пинать не советую, – проворчал старик.

Ричард, впрочем, не проявлял подобного желания. Он оторвал кусок от гусиной грудки, бросил рысенку и еще потянулся погладить. Погладил.

Молодой воин не любил кошек, но детеныш рыси – это совсем другое дело. Пушистый малыш не обращал никакого внимания на ласку стороннего человека, он ел.

Друид смотрел на общение гостя со своим питомцем с любопытством.

– Так почему же ты теперь не можешь двигать деревья? – спросил Дик, отрывая еще один кусок гуся для рысенка.

– Потому что магия медленно, но верно уходит из мира.

– Это я уже от кого-то слышал.

– Разумеется. Это очевидно даже деревенским знахаркам. Впрочем, они и раньше не обладали особенной силой.

– В чем же причина этого... ухода магии?

Старик улыбнулся:

– О, это должно быть очевидно даже тебе, не посвященному в наши беды. Есть магия, а есть религия.

– Ну и что? Ты все-таки боишься церковников?

– Повторяю: никого не боюсь. Неизвестно, кем была положена печать, возможно, что и кем-то из церковников, по сути своей это неважно.

– Печать?

– Да. Боюсь, что не смогу толком объяснить. То, что магия мира, как и сам мир, – это живое существо, ты не знаешь. Не знаешь межмировых связей. Проще было бы сравнить магию с системой орошения: если закрыть главный канал, то отводные постепенно пересохнут. Просто представь себе, что приток свежей силы кто-то закрыл. Печатью. В Ирландии, о которой ты упомянул, это сделал Патрик и магию сменила религия, а заклинания – молитва. Здесь же...

– А, и ты просто не можешь кол... то есть это, друидствовать...

– Почему же, могу. Пока. Но канал пересыхает.

– Ага, понял.

– А когда-то мы могли переходить в иные миры, учиться там, обретать силу, и к нам приходили учиться оттуда...

Старик прикрыл веки, и лицо его стало мечтательным. Ричард смотрел на него во все глаза. Истории, которые он услышал далее, показались ему столь же грандиозными, сколь и маловероятными, но где-то в глубине сознания осколком железа засела уверенность, что все услышанное – истинная правда. Друид совсем не напоминал старичка-весельчака, любящего плести байки под кружку-две пива. Да и байки от правды Дик, несмотря на бедный жизненный опыт, был способен отличить. Покоренный образами, которые сами собой, вполне зримо разворачивались перед его внутренним взором, будто не высказанные, а в действительности пока-

занные ему служителем круга, молодой воин впервые задумался о том, о чем никогда прежде не думал. Какое ему было дело, есть ли иные миры и что за люди живут в этих мирах? Теперь же он с удивлением узнал, что подобных окружающему миру вселенных не одна и не две. И везде живут люди.

– Как же выглядит эта печать? – спросил он.

Друид, словно очнувшись ото сна, открыл глаза и нахмурился:

– Печать-то? А... Как тебе ответить. Ее можно видеть простым человеческим зрением только единожды в году, в большом друидском круге...

– Это где?

– Ты не знаешь, что такое большой друидский круг?

– А, круг стоячих камней, что ли?

– Он самый. В ночь солнцестояния, если луна при этом полная... Кстати, в этом году как раз такая луна... Тот, кто придет в круг ночью и будет достаточно силен своей внутренней силой... Тот сможет увидеть печать. А может быть, даже уже родился тот, кто сможет поднять ее... То есть снять наложенный на магию запрет.

– Разве ты, старик, этого сделать не можешь?

– Я? Нет. Я слишком искушен в магии. Думаешь, тот, кто накладывал печать, не учитывал этого? Снять ее может лишь тот, кто магией не владеет, то есть тот, кому это вроде как и ни к чему.

Ричард, опьяневший от диковинного рассказа, как от вина, смотрел на старика напряженно.

– А когда это самое солнцестояние?

– Когда? Через три дня. – Старик улыбнулся. – Вот молодежь пошла, не знают даже таких элементарных вещей.

Дик и сам еще не понял, что некое решение вполне оформилось в нем.

ГЛАВА 2

В период солнцестояния ночь – время странное. Луна столь ярка, что предметы даже отбрасывают видимую глазом тень, на закате еще тянется полоска бледного света, тонкая и едва различимая, кажущаяся шелковистой, а на востоке вот-вот появится отблеск восхода. Только луной было украшено небо, так ненадолго ставшее темным, ни единой звезды не светило ни поблизости, ни поодаль опаловой королевы. Белесый маленький диск был безупречен, даже самое слабое, полупрозрачное облачко не нарушало эту безупречность. Пробираясь к внешнему кругу стоячих камней, Ричард вполне мог различить, где лежат пути к центру и куда именно идти.

Ему было немного не по себе. О силе стоящих ровными кругами каменных гигантов ходили самые страшные слухи, жару добавляли священники, обещавшие вечное проклятие любому, кто подойдет к этому творению друидов не иначе как с целью плюнуть на него. Но Дик был не из тех, кого испугает угроза отлучения от Церкви. Им двигало любопытство. Он даже не задавался целью непременно понять, зачем все-таки пришел сюда, – какая разница, раз захотелось, значит, надо было ехать.

Камни в полутьме летней ночи казались поистине гигантскими, похожими на замерших в неподвижности великанов. Мало кто из современников Ричарда верил, что круг камней, столетия спустя названный Стоунхенджем, был создан человеческими руками. Большинство считало, что без магии не обошлось, некоторые – что друиды, как стадо коров, пригнали с севера сотню великанов, и здесь, под лучами жаркого южного солнца, те стали каменными. В любом случае ни один из смертных не сомневался, что магии в этом круге сколько угодно!

Ричард старался ступать так, чтоб ничто не нарушало тишину ночи, ему, как неплохому охотнику, это удавалось, хотя он и сам не понимал, кого боится спугнуть. Ни страха, ни опасности он не ощущал, но к центру круга двигался очень медленно, заодно пытаясь понять, что же там едва-едва светится серебром, так бледно, что можно и не заметить. Пару раз сияние пропадало, и Дик думал, что ему показалось, потом появлялось снова. Обогнув еще одну пару камней, он вышел к центру внутреннего круга – на широкую площадку, поросшую густой высокой травой. В середине трава то ли была примята, то ли сама легла, и на земле мерцал маленький серебряный ободок.

Затаив дыхание, Ричард подобрался к сиянию, нагнулся и стал рассматривать необычный предмет. Сложно было назвать это вещь, ободок больше походил на фантом, призрак, но тем не менее и на печать он тоже был похож. Молодой воин протянул руку и осторожно потрогал видение. Пальцы ощутили холодок и гладкость полированного металла.

Ободренный, Дик сомкнул пальцы. Печать, на которой очень тонко и изящно была изображена свернувшаяся в клубок змея, серп, пучок веток и россыпь рун огама, осталась в его ладони, и трава тотчас поднялась, буквально на глазах. Но ошеломленный Ричард не успел досмотреть это необычное явление до конца: бледнеющая ночь, окружающая его, подернулась рябью, все вокруг поплыло, стало неотчетливым, и у молодого человека впервые в жизни помутилось в глазах.

Он тряхнул головой, как лошадь, которую одолевают слепни, все снова стало четким, но теперь это не имело ничего общего с равниной, которую венчал круг камней. Теперь Ричарда окружали вековые деревья, такие старые, что мхом были покрыты не только стволы, но и нижние ветки, с которых мох свисал наподобие длинных бород. Откуда-то напознал туман, он был негустым, но осязаемо плотным. Свет с трудом пробивался сквозь пышную листву – нельзя было определить, какое время дня, вечера или утра царит в этом лесу, но то, что не ночь, – очевидно. Скорее можно было решить, что это день, но очень пасмурный. Дик никогда не видел подобного леса, и, ничего не понимая, замер, ошеломленный.

– Я все объясню тебе, – прозвучало за его спиной.

Когда Дик обернулся, – а сделал он это молниеносно, – в его руках уже был меч и кончик его был направлен на говорившего. Но молодого воина ждало разочарование; оказавшийся за его спиной «человек» не имел материального тела. Облик старого друида, с которым он расстался три дня назад, слегка обозначился голубоватым светом, и сквозь складки его длинного белого одеяния проступали очертания деревьев.

– Что за черт! – воскликнул Ричард.

Старый друид едва заметно улыбнулся:

– Мне казалось, тебе, как человеку крещеном, упоминать черта нельзя.

– Что произошло, дьявол тебя перекорежь!

– Ничего такого, что нельзя быстро поправить. Я думаю, случившееся заставит тебя послушать. Не так ли?

– Где я, говори!

– Ты? В другом мире. Такое именование, думаю более понятно. Не буду называть этот мир, название все равно тебе ничего не скажет. Не обижайся, что немного покривил душой, но иначе никак не удалось бы заинтересовать тебя. Мне было нужно, чтоб ты отправился к большому кругу и поднял печать.

– Я это уже понял. Черт побери, я сделал, как ты хотел, и в благодарность меня занесло невесть куда?

– Так ты беспокоишься только об этом? Не надо волноваться. Как перенесся сюда, так и вернешься обратно, в этом нет ничего сложного, пока в твоих руках печать.

Дик опустил глаза на ладонь. Печати в пальцах не было, но зато на запястье серебрился тоненький браслет, пожалуй, больше подходящий для женской руки. Узор был мелкий, но в нем угадывались и змейка, и серпик, и пучок веток, и даже россыпь рун огама.

– Эта штука что, такая магическая, что даже я могу колдовать до такой степени, чтоб так вот легко перемещаться из мира в мир? – иронически усмехаясь, спросил он.

Друид смотрел строго.

– Вещь эта магическая, но не только поэтому ты способен совершать серьезные магические действия. Ты, я думаю, знаешь, кто твой отец.

– Это не твое собачье дело, – процедил Ричард сквозь зубы.

– Не надо грубить, тем более старшему, – поморщился старик. – Я знаю, что ты – бастард короля Ричарда Плантагенета, и не вижу в этом ничего позорного для тебя, такого, на что следовало бы так огрызаться. И говорю о том, что тебе, как сыну твоего отца, многое дано. Ты знаешь, что Ричард ведет свой род от великих магов прежних времен? Не знаешь, конечно.

– Ну и что?

– Магическая сила в наследнике не проявляется только потому, что кровь мага переходит в жилы его сына. Она порой долго ждет своего часа. Так уж случилось, что Ричард, чья мать, кстати, тоже не простого рода...

– Весьма благородного, – съязвил мол одой воин.

– Не перебивай. Для меня не имеет значения фамилия, а только наследование тех или иных возможностей. Альенор Аквитанская – не только мудрая, рассудительная женщина, но и наследница одного из самых сильных друидов Галлии... Но, думаю, тебе это неинтересно. Интересно тебе, наверное, то, что в короле Ричарде унаследованная им сила стала поистине огромной. Только он об этом не знает. У короля немало незаконнорожденных детей, как мужского, так и женского пола, но только один из них может унаследовать эту силу, и только один из них ее унаследовал. Это ты, его старший сын.

– Дик опустил меч и, подумав, вложил его обратно в ножны. Глупо, на самом деле, размахивать клинком перед носом у фантома, которому от удара железом ни жарко, ни холодно.

– И что теперь?

– Зависит от того, что тебя интересует. – Старый друид пожал плечами. – Власть? То, чего ты можешь добиться сам, – магическая власть, и немалая, тут мы уже можем договориться – я дам то, что нужно тебе, ты – то, что нужно мне.

– Разве я не сделал то, что было нужно тебе? Я же снял печать.

– Нет. Ты этого не сделал, и не надо думать, что это так просто. Ты только приоткрыл окошко меж мирами, что дало возможность нам (и тебе в том числе) получить в свое распоряжение некоторую) толику силы.

– Тогда что же я, по-твоему, сделал? – вспыхнул Ричард.

– Я уже ответил тебе. Ты не снял печать, и мне сложно объяснить тебе, что же конкретно ты... Скажем так, если вернуться к нашему прежнему сравнению с оросительной системой, ты открыл небольшой запасной канал, и из маленького озерца пришло немного воды. Но озерцо и само-то почти пересохло.

– А это...

– Это артефакт, который может быть очень полезен тебе. Это сильная игрушка, и она позволит тебе постичь кое-чего. Но чтоб добиться наибольших результатов, рано или поздно тебе все-таки придется довести дело до конца.

– Ты, как я понимаю, очень заинтересован в этом.

– Да. И не только я. Но я не прошу от тебя ничего, что не расходилось бы с твоими интересами. И только если ты согласишься, я стану учить тебя магии, разумеется. И помогать тоже. А жизнь такая штука, в которой без помощи не обойтись.

– Так для кого же я снимал эту печать? То есть печатку?

– Исключительно для себя. Теперь ты узнал, на что способен. Вернее, еще не узнал, но скоро узнаешь. Если захочешь.

– А если я откажусь?

– Ты не откажешься.

Дик разозлился:

– Нет, я откажусь. И немедленно. Иди отсюда, старик! Я не собираюсь служить у тебя на посылках и таскать тебе каштаны из огня. Не на того напал!

Друид лишь пожал плечами, и его облик истаял, как клочок тумана под солнцем.

Ричард огляделся. Деревья с бородами мхов никуда не делись, они стояли, почти не шевеля листвой, при этом, вне всяких сомнений, мир вокруг был вполне реален. Потрогав рукой ствол, он ощутил колкую жесткость складчатой коры и неприятную шелковистость старого мха. Под ногами пружинили тонкие веточки, перемешанные с сухой листвой, над пластом перепревающего дерна раскачивались пышные султаны папоротников, которые путались в ногах. Поправив на плече сумки (оставить вещи где-нибудь в круге камней, в средоточии непонятной магии, Ричард не решился, и теперь, к радости своей, оказался при всем имуществе), он направился туда, где просвет между деревьями казался больше.

Лес и в самом деле скоро кончился, и Дик остановился у опушки. Та находилась на некотором возвышении относительно долины, и панорама, развернувшаяся перед молодым воином, была хоть и не полной, но впечатляющей. Ричарду предстало поле битвы, судя по всему, недавней, при этом ни одного живого человека не было видно, только бездыханные тела. Их-то как раз было в изобилии. Причем не только человеческих. Неподалеку от себя он увидел огромное – размером с крупного быка – чешуйчатое существо, подобное которому видел до того лишь изображенным на гобеленах или фресках в храме, – можно было назвать его чертом или демоном. Собственно, это существо Дик толком и не видел, рассмотрел только один рог, вытянутую в агонической муке зеленоватую чешуйчатую ногу и впечатляющих размеров руку с длинными желтыми когтями. Подходить ближе он не стал: хоть и считал себя совершенно свободным от страха, все же обнаружил, что в глубине души полон тех же предрассудков, что и все его современники, и попросту опасался.

Осторожно оглядываясь, молодой воин стал спускаться по склону. Он старался не наступать на тела, смотреть под ноги: мало ли что там может попасться – шипы или дикие змеи, все это равно опасно, но порой просто некуда было поставить ногу. Тела застыли в самых разных позах, и по ним можно было угадать, как именно и при каких обстоятельствах погиб тот или иной воин. Ричард опасался появления запаха тления, но не ощущал его.

Оглядываясь, автоматически высматривая на телах знакомые ему знаки, он ничего примечательного не увидел. То и дело попадались какие-то символы, может быть, геральдические, а может, и нет, разные цвета, значки, но все необычные. Весь склон был усеян существами демонического вида, облаченными в доспехи и без них, в одежде, скроенной из кусков разноцветной кожи, с мечами и топорами и без оружия. Вперемешку лежали тела обычных людей, но в странных пластинчатых доспехах поверх тонких кольчуг. Плетение их было так ошеломляюще тонко, что разок Дик присел на корточки возле обладателя такой, пощупал краешек.

Кольчужка изумляла красотой и прочностью – вмятины на пластинах были, но плетение ничем не повреждено. Не устояв, молодой воин попытался сдернуть с умершего пластины доспеха, помогая себе ножом, – они держались на ремешках, до которых, конечно, добраться было нелегко, но возможно. Закончив с доспехом, он долго рассматривал кольчугу, чтоб понять, как именно ее можно снять, разобрался и потратил еще какое-то время, чтоб стащить ее. Судя по украшениям, богатству отделки шлема и доспеха, изобилию полудрагоценных камней на ножнах, обладатель всего этого был и богат, и знатен. Тем лучше. Доспех и вооружение у такого, конечно, лучше, чем Ричард когда-либо сможет себе позволить.

Сразу надеть трофей на себя молодой воин тем не менее не решился, свернул и засунул в сумку, после чего стал рассматривать остальное. Украшения его нисколько не интересовали, на них он даже не посмотрел, только на фибулу – чтоб ознакомиться с геральдическим знаком, принадлежащим убитому. Но меч стоило рассмотреть поближе. Для этого Дик налег на труп, сдвинул его с места и потянул клинок на себя.

Меч был довольно длинен – такие считаются полутораручными, – но узок и легкий. По клинку яркой золотой полоской шел дол, прочерченный не только как углубление, но и украшавший его. Ричард потрогал пальцем: дол был таким гладким, какого он никогда прежде не видел, – мастера-оружейники в Англии не умели обрабатывать металл так, чтоб в клинок можно было смотреться, как в зеркало. Меч, который он держал в руке, был прекрасен, и молодой воин просто не мог себя заставить положить его обратно.

С другой стороны, заниматься мародерством Дик считал ниже своего достоинства. Поэтому он пришел к истинно соломонову решению – взять только то, что взял, и ни одного предмета больше. Кроме того, на странном поле боя вместе с людьми лежали бездыханными явные исчадия ада, и черт его знает, сколько их еще бродит в округе. Ему становилось все неуютнее и неуютнее здесь, а старая добрая Англия казалась все привлекательней. Он выдернул из-под тела ножны, вложил в них меч, завязав узлом ремни, закинул за плечо и отправился в обратный путь... И едва не наступил на рассыпанную по земле копну черных волос. В последний миг он помедлил, изумленный этим зрелищем, нагнулся рассмотреть и, чтоб было сподручнее, толкнул обладателя этой пышной копны в плечо, повернув на спину.

Это была молодая женщина, пожалуй, даже девушка, с изящными, тонкими чертами лица и с глубокой раной на шее. Бледность ее лица оттенялась непроглядной чернотой волос, и девушка показалась Ричарду такой красивой, что у него закололо в сердце. Он приподнял ее с земли, зачем-то прижал к себе, ощущая под ладонями всю безупречность великолепного юного тела, и с безумной страстью пожелал, чтоб девушка эта была жива. На несколько мгновений это желание стало сильнее, чем желание жить, видеть небо и зелень лесов, сильнее, чем привязанность к матери, чем когда-либо испытанная страсть к женщине. В следующий миг серебряный браслет на его запястье налился теплом, запульсировал, потом вновь резко стал холодным. Молодой воин ощутил, как мускулы его наливаются силой, и ощущение это, не изведенное

прежде, было очень приятным. Токи силы, прокатившись по всему его телу, устремились в ладони, и Ричард стал оглаживать ими девушку – ее темные шелковистые волосы, спокойное бледное лицо, гибкое тело. Только что бездыханная, девушка вздрогнула, рана на шее стремительно затянулась, а кожа налилась легким румянцем, перестала быть такой желтовато-белой, как лепестки вьюнка. Грудь девушки впервые подняло дыхание, слабое, но явное, и теперь она больше напоминала спящую. Каким-то шестым чувством Дик понял, что ее не надо теребить, что необходимо дать ей время прийти в себя естественным путем, а потому только устроил ее поудобней и стал ждать.

Просто так ждать вскоре ему наскучило. Дотянувшись до вещей, которые он сложил на землю, молодой воин вытащил меч из ножен и стал рассматривать его, вертеть то так, то эдак. Рукоять лежала в ладони очень хорошо, черен был плотно обмотан какой-то кожей, судя по всему, хорошо выделанной и достаточно шершавой, чтоб ладонь, даже потная, не соскальзывала с него. Гарда была сделана очень просто, только в самом перекрестье мастер посадил маленького дракончика, выполненного мелкой сканью и цветной эмалью, – работа была такой тонкой что только благодаря этому мелкому украшению ценность меча, пожалуй, уже равнялась его весу.

Тело девушки, покоившееся на левой руке Дика, вздрогнуло. Он повернул голову и очень близко увидел ее глаза – они были огромные, ярко-зеленые, с желтоватыми прожилками, прекрасные в своей чистоте – и испуганные. Миг она смотрела на меч, затем перевела глаза на лицо Ричарда (этот взгляд подействовал на него как острая боль в сердце, дрожь пронизала тело от затылка до пят, перехватила горло), потом – снова на клинок. Задрожала, стала рваться, но слабо, и он, решив, что девушка просто хочет подняться, помог ей. Она была столь легка, что молодой воин смог сделать это одной рукой, не отпуская меча, и поднялся сам.

Как только она встала на ноги и, видимо, ощутила себя немного увереннее, тут же рванулась, да так сильно, что он едва сумел удержать ее и машинально прижал к себе, не давая убежать. Не зная причин, по которым девушка стала вырываться, он принялся растерянно уверять ее:

– Я не сделаю тебе ничего дурного, успокойся. Успокойся... Я не мародер. Я хочу помочь тебе.

Косясь на меч в его руке, она затихла в его объятиях, больше похожих на крепкую хватку. Проследив ее взгляд, он понял, что ее пугает оружие в его руке, но отпускать все равно не хотел. Да и не опасно ли ронять меч на землю? Мало ли какие твари бродят в окрестностях, не зря же она так боится.

– Я не причиню тебе вреда, – повторил он. – Слышишь? А этот меч я нашел. Я просто нашел его, – добавил он, заметив, что она прислушивается очень внимательно. – Понимаешь?

Помедлив, она кивнула, затихнув совершенно, и Дик отпустил ее. Не совсем, придерживая рукой, но теперь его хватка больше напоминала объятия. Прикосновение к ее упругому гибкому телу было ему куда приятней, чем до сей поры прикосновение к какому-либо иному женскому телу. От нее пахло лесом и травой, влажной от тающего под солнцем утреннего инея, пахло холодком и сменяющим его солнечным теплом ранней осени. Он видел ее руку – маленькую, изящную, с тонкими пальчиками, пропорциональными длине ладони, с красивыми, как миндальный цвет, ноготками, с такой тонкой кожей, что, казалось, она просвечивает насквозь. Молодой воин длил и длил прикосновение к ней, хоть в этом уже больше не было нужды – воскресшая твердо стояла на ногах.

Она обернулась к нему, слабо улыбнулась, и почти сразу ее облик поплыл. Миг – и на землю заскользила крупная черная змея с поблескивающей опалом чешуей. Дик отшатнулся, едва не вскрикнул от неожиданности, инстинктивно прикрыл глаза. А когда открыл, заметил только черный хвост, исчезающий в кустах. «Вот черт», – подумал Ричард, глядя на свои руки.

Возможно, он подумал не это, но главное, что вспыхнуло в его сердце, – обида. Как же так, ведь он спас ей жизнь, а она... она оказалась змеей!

«Я еще дешево отделался, – решил он позже, когда обида отступила. – По крайней мере, она не укусила меня. Или нет... Нет, змейка такого размера, наверное, является чем-то вроде удава. Да уж. Здоровенная какая, футов четырнадцать, не меньше. Если меньше, то ненамного...» В кустарнике, где скрылась змея, – изрядно поломанном и ободранном, видимо в бою, – что-то зашуршало, затем раздался писк, какое-то трепыхание. А потом где-то в середине его, меж примятых, но упорно тянущихся вверх веток встала во весь рост воскрешенная девушка, еще более порозовевшая, с мелкими перышками, запутавшимися в роскошной шевелюре, с пухом и следами крови на губах. Она растерянно, робко взглянула на Дика, отводя ветки в стороны, продралась на открытое место и выбралась из кустов.

– Извини, – довольно невнятно, но зато на правильном английском сказала она, отирая с губ прилипшие пушинки. – Очень захотелось есть.

Дик хмыкнул. Одежда девушки была порвана в нескольких местах, в прорехи виднелась кожа, матовая и все еще бледная. На воскрешенной было надето длинное узкое серое платье с разрезами чуть ли не от бедра, ткань была обшита полосами черной кожи, кое-где прорезанной насквозь, и, с точки зрения Ричарда, привыкшего к совершенно другой одежде, девушка выглядела почти голой. При этом ичуть не смущалась.

– Тебя как зовут?

– Серпиана.

– Красивое имя. – Он снова окинул взглядом ее полуобнаженную фигурку. – Тебе не холодно?

– Нет. – Она недоуменно нахмурилась. – Почему ты спросил? Или тебе неприятно, как все это выглядит? Не нравится? – Оглядела себя, стряхнула с одежды налипшие перышки.

– Ну, как тебе сказать... – Дик не удержался и еще раз огладил Серпиану взглядом. – По меркам моей родной страны ты одета... неприлично.

Серпиана развела руками с неподдельным удивлением:

– Странные нравы. Будь я уродлива, кривонога или жирна, как свинка, это бы еще было понятно.

– Ничего не скажешь, ты очень привлекательна. Даже очень красива. Смотреть приятно. Но... Как тебе сказать... Ограничиваться только любованием очень тяжело.

Девушка удивленно вздернула тонкую, как лучинка, бровь, помедлила, а потом мягко, по-змеиному плавно скользнула вперед. Ее тонкие руки оплели шею молодого воина, и Ричард сам не заметил, как одна его рука огладила ее ягодицы, а вторая провела по спине, как раз по прорехе. Кожа и в самом деле была очень нежная.

– Если я разжигаю в тебе желание, то что в этом плохого или неестественного? – спросила девушка негромко. – Что же тебе не нравится?

– Мне все нравится, – согласился он, оживившись. – Ты себя уже нормально чувствуешь? После... э-э... пробуждения?

– Только легкая слабость.

– Это ничего, – торопливо уверил он ее. – Тебе же ничего не придется делать. Только пойдём отсюда, не на поле же битвы заниматься таким... важным делом.

– Пойдем, – видимо, совершенно не поняв, что именно он имеет в виду, согласилась девушка. Взглянула на тело мужчины, у которого Дик... ну, скажем так, позаимствовал оружие и кольчугу, и ее передернуло. – Пойдем скорее.

– Кто это?

– Это лорд Мейдаля. Ты о нем не слышал?

– Нет.

– Это сильный маг и великий воин. И прежде, чем он погиб... – Ее снова передернуло. – Прежде чем его одолели, он... Мне казалось, что он убил меня.

Ричард ничего не ответил. Он попытался представить себя на месте этой девушки. Что бы он почувствовал, узнай вдруг, что его убили, а потом воскресили? Наверное, некоторую неловкость. Но он мужчина, а ее, как представительницу прекрасной половины человечества... то есть не совсем человечества, но, наверное, не суть важно, как называется ее раса змей-оборотней... словом, девушку следует щадить. Пусть она не знает, что была мертва.

– Ты меня исцелил? – уточнила она.

– Да. Так получилось.

– Должно быть, ты и сам сильный маг. Это ты убил лорда?

– Нет, он уже валялся тут, когда я пришел. Уже был убит.

Серпиана не без помощи Ричарда добралась до леса и присела отдохнуть. Она снова побледнела, да и сам молодой воин с удивлением понял, что чувствует себя не лучшим образом. У него слегка кружилась голова, время от времени все плыло вокруг, и незаконнорожденный сын короля сделал вывод, что эта земля вредна для англичанина. Перед глазами снова возникли просторы родной страны, ее меловые холмы и корнуоллские скалы, поля, поросшие ароматной травой, и густые леса, где полным-полно дичи. А для начала, решил Дик, необходимо найти хорошую корчму и взять пару кружек темного горького пива. После такой встряски пиво или эль – самое первое лекарство. Он покачал головой и взглянул на свой браслет – тот выглядел тусклым и совсем не напоминал то красивое и изящное ювелирное изделие, каким был раньше. Так, дешевая безделушка.

Пожав плечами, молодой воин посмотрел на сидящую рядом Серпиану. Девушка недвусмысленно дала ему понять, что не против, а у него, принужденного делать ноги из Йорка, уже месяц не было ни одной женщины. Как известно, вторыми после пива по способности лечить мужчин от последствий всяческих неприятных переживаний стоят ласки женщины. Что тут раздумывать – Ричард, как и его отец, никогда ничего не стеснялся, и потому он потянулся к спасенной весьма решительно. Как ему показалось, девушка глядела на него одобрительно.

Вдруг она напряглась, он заметил ее застывший взгляд, направленный куда-то в гущу старого леса, обернулся в ту же сторону и заметил три высокие фигуры в черном, направляющиеся к нему. Миг – и он был на ногах, в руке матово поблескивал выдернутый из новых ножен меч с золотой полоской по долу. Серпиана, вскрикнув, бросилась в сторону, а в следующий миг с пальцев одного из черных сорвалась голубоватая искра и метнулась к Ричарду.

Молодой человек никогда прежде не видел ничего подобного, но движение чужака выглядело угрожающим, а потому он совершенно инстинктивно отмахнулся мечом. Искра впечаталась в металл, золотая полоска дола вдруг полыхнула серебром, и меч слегка дрогнул в руке. Ричард посмотрел удивленно, но понял, что слишком задерживать внимание на явлении, которое явно не причиняет ему никакого вреда, скорее, помогает, не надо, потому как врагов трое и всех троих надо убить. Он несколько раз взмахнул мечом, надеясь напугать наступающих, да же на всякий случай: вдруг от кого-нибудь прилетит такая же искорка – неплохо бы и ее поймать.

Черные выбрались из-за деревьев и рассредоточились, теперь они как бы охватывали Дика полукругом. Один из них вынул из ножен меч – очень красивое оружие с черным клинком, – и Ричард обрадовался. Лица всех троих были скрыты черными масками, сделанными, по всей видимости, из ткани, и потому молодому воину казалось; что все это сон. Для уверенности он напал на того, кто был при мече, – схватка на длину клинка куда понятней, чем странные голубые искры, последствия которых неизвестны.

К его удивлению, черный, который двигался на первый взгляд не слишком уверенно, с силой парировал удар, да так, что у Дика заболела ладонь, и он понял, что ослабел от усталости. Увернулся и обнаружил, что сделал это очень своевременно, – еще одна голубая искра мельк-

нула мимо его уха, опалив кожу холодом. Она попала в черного с мечом, и тот окаменел. Разумеется, парировать удар Ричарда он не мог, и молодой воин ударил. Звук, с которым металл ударился о тело, напоминал звон, и эффект был такой, словно меч звякнул о камень. Черный упал на спину в той же позе, в которой был за мгновение до того, как в него попала искра. Не понять, в чем тут дело, не смог бы разве что тупица: если бы магическая искра попала в Дика, тот повалился бы на землю с таким же каменным стуком – это было ясно.

Он развернулся к оставшимся двоим и замахнулся мечом. Отразить еще две голубоватые искорки оказалось довольно сложно, все-таки они летели стремительно. Ричарду пришлось уворачиваться, он отпрыгнул, попал ногой в выбоину и, взмахнув руками, упал. Размашистое движение клинка случайно пришлось по еще одной искре, на этот раз бледно-стального цвета, – меч впитал ее в себя, полыхнув серым. Дик показалось, что металл вспыхнул сыто.

Один из черных подскочил к молодому воину, второй кинулся к окаменевшему собрату. Ричард рванулся вбок, и кулак только скользнул по его лицу. Черный снова замахнулся, так быстро, что среагировать усталый Дик не мог, и ударил его в грудь с необычной силой. Молодому воину показалось, что его грудная клетка треснула, в глазах потемнело, перехватило дыхание, но сдаваться он не собирался. Он вообще не был склонен сдаваться в какой бы то ни было ситуации. Боль, охватившая его после удачного удара врага, сковала обе руки, и потому Ричард пнул стоящего перед ним ногой. Куда бил, он не видел, но, судя по звуку, попал, и неплохо. Черный отшатнулся, налетел плечом на ствол и скривился.

Придерживаясь за толстые корни старого дуба, Дик поднялся на ноги и попытался атаковать черного мечом, но тот сумел защититься. Чем – молодой воин не понял, поскольку металл натолкнулся на что-то твердое прямо в воздухе. Ричард ударил еще раз, и меч выбил целый сноп искр о невидимую стену. Черный уже оправился и снова налетел на противника – ему невидимая преграда почему-то не помешала. Дик выронил клинок, и они сцепились в рукопашной. Незаконный сын короля был сильным парнем, но теперь он ввязался в драку с равным противником. Кроме того, был еще один не учтенный фактор. Далеко отведенная ладонь черного запыхала алым, он подтянул ее поближе и попытался наградить противника оплеухой. Ричард не знал, что это за заклинание, но проверять на собственной шкуре не собирался и, не найдя другого выхода, вцепился черному в глаза. Враг зашипел от боли, взмахнул руками, и ладонь, охваченная красноватой дымкой, слегка задела Дика по руке. Молодому воину показалось, что к коже приложили раскаленное железо, он невольно застонал, попытался вырваться, отстранить от себя опасного врага, но тот будто прилип.

– Пригнись! – услышал Ричард негромкий девичий голос и вжал голову в мох.

В тот же миг над его лицом, слегка шелкнув оперением по носу, мелькнула стрела и с хрустом вошла черному в лицо.

Против ожиданий, он не скончался немедленно, только закричал, распяливая провал рта под сочащейся кровью переносицей. Но это дало Ричарду время и возможность отшвырнуть от себя опасного черного. Он оторвался на достаточное для замаха расстояние и врезал врагу ногой в пах, а когда тот согнулся, добавил пинок по лицу, уже сбитому на сторону. Когда черный упал, Дик размахнулся как следует и пнул врага по шее. Прислушиваться, хрустнул ли позвоночник, молодой воин не стал, потому что черный обмяк. Обернувшись, он увидел Серпиану с луком в руках – она стояла прямо, как настоящий английский лучник, и рука на тетиве была тверда. Вторая стрела была зажата в зубах, третья – прижата указательным пальцем левой руки на луке.

Помедлив мгновение, она развернулась и выстрелила во второго черного, а затем сразу и в третьего, который уже пришел в свое естественное состояние и встал на ноги. Но стрелы не настигли этих двоих: один из них – тот, который только что был подобен каменной статуе, увернулся от летящего наконечника на ореховом пруте так, словно это был не более чем

снежок, второй же успел особым образом повернуть ладонь, и воздух стал слишком густ для стрелы. Она застыла в нем, как в дереве, а потом упала на землю.

Но прежде чем стрела коснулась травы и мха, черный уже подскочил к Серпиане и пнул ее. Девушка дрогнула, изогнулась, видимо, попыталась превратиться в змею, но не успела. Черный вlepил ей такую пощечину, что Серпиану развернуло и швырнуло на ствол дерева, поросший мхом.

Ричард взбеленился. Это, пусть и какие-нибудь полчаса, но уже была его девушка. Подняв меч, он накинулся на черного, при этом понимая, что, пожалуй, впервые в жизни у него нет никаких шансов. Он с трудом смог справиться с одним, и то не без помощи Серпианы, теперь же против него были двое. И, видимо, им суждено было одолеть его.

Откуда-то сбоку прилетела узкая зеленая молния и оплела одного из черных. Тут стало видно, что это обычный вьюнок, еще не успевший расцвести, но весь покрытый мелкими листиками, с множеством коротких веточек-отростков и... живой. Сноровисто извиваясь, он оплетал черного все плотнее и плотнее, вырастая и ветвясь буквально на глазах.

Второй нападающий добежал до Ричарда и накинулся на него, но очень скоро его ноги почему-то стали путаться в траве. Трава была самая обычная, даже не слишком высокая, не слишком густая – Дик не замечал никаких препятствий, а вот его противник... Потом черный ступил в развесистую купу папоротника, и тот вцепился в него, будто был не папоротником, а осьминогом с сотней мелких присосок на щупальцах. Схватил, оплел ноги до колен, и черный рухнул, награжденный вдогонку хорошим увесистым пипком лично от Ричарда. Воодушевленный этим, молодой воин принялся наносить удар за ударом (попытался пустить в ход меч, но металл до тела черного почему-то снова не добрался), стараясь попадать непременно по самым чувствительным местам и мысленно считая: «За меня, за Серпиану... за меня... за Серпиану... и еще раз за Серпиану – все равно она моя...»

Из-за дерева, неохватного, с раскидистой кроной, вышел старый друид. Он пристально следил за вьюнком, сражающимся с черным, который не оставлял попыток выбраться из тесной хватки растения, время от времени тыкал в их сторону посохом, и вьюнок увеличивал свой пыл. Наконец один из отростков оплел шею черного (второго тем временем почти скрыла зеленая шевелящаяся купа папоротников, за считанные мгновения, кажется, увеличившаяся в размерах втрое), сдавил и прижал. Черный захрипел, забился, заскреб ногтями горло и завалился на спину. Росток нырнул в приоткрывшийся рот, и Дик отвернулся с омерзением. Он искал глазами Серпиану – ее не было, но дерево, на которое она недавно опиралась, оплетала большая черная змея, глядящая на Ричарда, как ему показалось, весело и доброжелательно.

– Ну вот, – сказал старый друид, и Дик обернулся. – Готово.

Вьюнок уже закончил свое дело и теперь стремительно сокращался, втягивал отростки, постепенно сползал с бездыханного тела. Второго черного было совсем не видно из-за разлапистых листьев папоротника, они продолжали шевелиться, почему-то в том месте бугрилась земля – может быть, именно потому папоротники и двигались.

Дик поднялся, одернул одежду и снова поднял упавший на землю меч, осмотрел его и убрал в валяющиеся поодаль ножны. Оглянулся на змею.

– Ты в порядке?

Змейка пошевелилась, и покачивания ее плоской головки показались ему выражающими согласие.

– Слезай, Серпена, не бойся. – Друид махнул рукой, – Не бойся меня.

– Ее зовут Серпиана, – поправил Ричард.

– Одно и то же, смотря как выговаривать.

– Ты с ней знаком?

– Нет. Но я знаю эту расу. Расу людей-змей.

– Так Серпиана – это не имя?

– Не совсем имя. Да спускайся же, девушка.

Змейка опасливо заскользила вниз и с земли поднялась в женском теле. Она смотрела на друида с сомнением. Но приблизилась.

– Не надо волноваться, к тебе подобным я отношусь хорошо, – сказал ей друид, улыбаясь, и показал на свой посох.

Серпиана слабо улыбнулась.

– Кажется, я должен тебя благодарить? – процедил Дик.

– Можешь этого и не делать. Но я вижу, ты истратил изрядное количество силы на то, чтобы вернуть к жизни прелестную девушку. Это было опрометчиво с твоей стороны.

Ричард поджал губы.

– Я так понимаю, начинается первый урок?

– Вовсе нет. Но во время предыдущего разговора ты не дослушал. Я не успел сказать тебе, что за тобой, собственно, гоняюсь не только я и мне подобные, кому нужна твоя помощь, но и те, кто хочет помешать тебе обрести силу и оказать помощь мне и мне подобным.

– Кто еще?

Старый друид развел руками:

– Есть и такие. Ты мог бы догадаться, что при любом раскладе есть те, кого не устраивает сложившееся положение дел, и те, кого устраивает. Те, кого все устраивает, будут пытаться сохранить порядок. В том числе и весьма жесткими способами.

– Ты, я вижу, не оставляешь мне шанса, – криво усмехнулся Дик.

– Нет, ты не прав. – Друид нагнулся и протянул руку вьюнку, ставшему совсем маленьким, свернувшимся в небольшой росточек в пару ладоней в длину. Вьюнок подобрался к руке старика, взобрался на нее и спрятался в рукав. – Дело в том, что твоя невольная помощь мне не очень нужна. Мне нужно твое сознательное желание делать то, что интересует меня. Так что я собираюсь не заставлять, а только убеждать. Это ты мне тоже не дал добавить в прошлый раз.

Друид посмотрел на него вопросительно, и молодой воин пожал плечами.

– Ладно, спасибо, что помог. Эти трое меня прибили бы.

– Нет, зачем же. – Старик оглядел труп черного – второй труп был уже не виден, хотя папоротники приняли прежние размеры. – Взяли бы в плен. Но, в отличие от меня, они не стали бы пытаться убедить. Впрочем, я не хочу давить на тебя. Может статься, что я не прав.

Ричард огляделся.

– Ты можешь объяснить мне, где я нахожусь?

– Я тебе уже объяснял.

– Хорошо, а как можно вернуться назад?

Старик развел руками:

– Ты мог бы это сделать сам, но потратил всю силу на другое. Теперь придется ждать.

– Подожди, получается, в этой штучке, – Дик щелкнул по браслету, все еще тусклому, – заключено только какое-то количество силы? И она уже израсходована?

– Нет. Но нужно время, чтоб сила пополнила свой запас. Сегодня ты истратил все, что у тебя было. – Молодой воин понурился, и друид заулыбался. – Не надо падать духом, У меня еще есть некоторое количество сил. Я открою для нас двоих лесной коридор.

– Для троих, – поправил Ричард.

– Ты берешь змейку с собой? Хорошо, на троих. Но спросил ли ты ее, хочет она пойти с тобой?

Дик взглянул на Серпиану вопросительно, и она, помедлив, согласно кивнула головой.

ГЛАВА 3

Лесной коридор выглядел просто как тропинка в лесу, узенькая стежка, окруженная деревьями так плотно, что ничего вокруг нельзя было рассмотреть. Ричард все крутил головой, но вокруг были только стволы, листва, кусты и трава под ногами. Тропинка петляла, то и дело заворачивала, ныряла под нависающие ветви, и молодой воин сам не заметил, как огромные, неохватные стволы, окутанные моховыми шубами, сменились обычными деревьями, тонкими и средними, разреженными молодняком и кустиками, и издали пахло старой доброй Англией.

Серпиана спотыкалась и выглядела усталой, Дик подставил ей руку, но ему и самому тяжело было идти – усталость, последствия драки, тяжелая ноша в трех кожаных сумках...

– Больше всего я сейчас хочу пропустить кружечку хорошего пива, потом вторую и закупить большим куском копченой свинятинки, – сказал он, смакуя каждое слово.

Друид обернулся:

– Это легко устроить. Выйдешь из леса возле селения, которое называется Уэнви Мо...

– Это же совсем рядом с Лондоном!

– Так уж получилось. Не перебивай. По правую руку будет трактир, там и заночуете. Я с вами не пойду, у меня дела. Тебе решать, юноша, но если ты хочешь учиться магии, то отправляйся на западное побережье Уэльса.

– Мне что, придется плыть в Ирландию?

– Нет. Тебе придется плыть на Авалон.

– На Авалон?

– Конечно. Я думал, ты знаешь, что только там можно свободно обучаться магии, ничего не боясь и не будучи стесненным обстоятельствами.

– Да, но... Как я туда попаду?

– Я все предусмотрел. Неподалеку от скалы Ллевеллина... знаешь, где это?

– Знаю.

– Неподалеку от скалы тебя будет ждать лодка. Гребцы узнают тебя и отвезут на Авалон.

– Долго они будут ждать?

– Скажем, до осени. Тебе решать.

Ричард кивнул.

– Идите по этой тропинке вперед. Она вас приведет куда надо. И будь осторожен, сынок, я не могу следить за тобой постоянно. Кстати, аккуратней с этим мечом, он не так прост, как может показаться. Конечно, он способен парировать заклинания, но способен и сам бросать их, потому следи за своими мыслями, когда размахиваешь им, ладно? Чтоб для тебя не стало неожиданностью, что он станет вытворять по твоему желанию, хорошо?

– Я буду осторожен.

– И ты, девушка, будь осторожна, – Старый друид повернулся к Серпиане. – Не меняй облика в присутствии соотечественников этого молодого человека. Если же тебе придется это сделать, не оставляй в живых ни одного из тех, кто увидел это.

– Ты удивительно добр, старик, – усмехнулся Ричард.

– Я не добр и не зол. Я практичен. Следи за своей девушкой – она не знает английских традиций и обычаев. И постарайся скорее одеть ее во что-нибудь более привычное английскому глазу.

– Можно подумать, я бы сам не сообразил.

– Я к тому, чтоб ты не отказался от этого. – Друид протянул Дику позвякивающий мешочек. – Здесь немного, но я и не собираюсь тебя содержать. Так, слегка помочь. И еще раз повторяю: будь осторожен.

Старик в знак прощания поднял руку и свернул прямо в лес. Вроде бы непроходимый, он пропустил в себя друида и снова незаметно сомкнулся за его спиной. Юноша и девушка остались вдвоем. Ричард вопросительно поднял бровь, глядя на спутницу.

– Ну что, идем?

– Идем. – Серпиана зябко передернула плечами и попыталась закутаться в свое рваное платье. – Что, я и в самом деле так непривычно одета?

– Да, пожалуй.

– А как я должна вести себя на твоей родине?

– Скромно. – Он оглядел ее с ног до головы. – Если ты будешь в таком виде разгуливать по нашим городам и селам, да еще так запросто обнимать мужчин, все решат, что ты – женщина легкого поведения.

– А что это значит? – заинтересовалась Серпика. – Мне можно будет проводить время с мужчинами?

– Да, и тебе за это будут платить деньги.

– Так что тут плохого? – Глаза у девушки были озорные.

– Мне это очень не понравится, – с застывшим лицом Ричард провел пальцем по ее шее. – И, думаю, мне придется слегка придушить тебя в этом случае.

– Я не буду сердить тебя, – послушно ответила она. Подобная покорность была тем самым, что Дику больше всего нравилось в женщинах. Он обнял ее и поцеловал в затылок.

– Возьми мою куртку и закутайся. А чуть позже мы купим тебе платье или плащ.

Через несколько десятков шагов тропинка совершила последний поворот и стала прямой, как тетива лука, впереди забрезжил просвет, и они вышли из леса на равнину, по которой серой пыльной полосой тянулась дорога, и окрестности были очень хорошо знакомы Ричарду. Англия.

– Дома, – вздохнул он с глупой счастливой улыбкой на лице. – Я дома... Англия... Все, меня в эти другие миры больше ни за что не заманишь. Сдались они мне...

Серпиана с тревогой рассматривала пейзаж.

– Разве тебе не интересно увидеть другие края?

– Скажу честно, стоило мне увидеть этих ваших демонов...

– Демонов?

– Ну, тех, которые на поле валялись. Дохлых.

– Ах, демонов, – она заулыбалась. – Боевых демонов. Понимаю. Да, выглядят они устрашающе, отличные воины, и встретиться с ними в бою – небольшое удовольствие. Но если они сражаются на твоей стороне...

– Нет, не надо. И связываться не хочу.

Девушка пожала плечами. Улыбка делала ее лицо еще прекраснее.

– Никто тебя, кажется, не заставляет.

– У нас в Англии нет демонов, зато есть церковники! – распинался Ричард, размахивая руками, хмельной ароматами родных полей. – Они твоих демонов по стенке размажут.

Личико Серпианы стало озабоченным:

– Они такие сильные маги? Или могучие воины?

– Ни то и ни другое. Но крестами и святой водой владеют в совершенстве.

– Это такие заклинания? – Нет, не заклинания. Церковники не пользуются заклинаниями, но молитвами запинаят кого угодно.

Девушка пожала плечами. Она еще не знала, что такое Церковь и ее служители.

Закутанная в мужскую куртку, доходившую ей до колен, она выглядела забавно, особенно если учесть, что из-под темного сукна свисали ленты юбки, отделанной полосами кожи. Впрочем, когда они вошли в селение, девушку провожали скорее сочувственные взгляды, чем уни-

чужительные. И, конечно, любопытные. В трактире – двухэтажном здании, верхний этаж из толстых бревен, нижний из камней – Ричард первым делом спросил женское платье и плащ.

– На девушку напали в лесу, понимаете...

Трактирщик – усатый, преклонных лет мужчина с огромным брюхом – взглянул на испуганное лицо Серпианы, которая в окружении чужих людей в чужом мире почувствовала себя очень неудобно, понимаяще поцокал языком. Дело было обычное, а сочувствие не стоит ни пенни, так почему же было не посочувствовать? Растрепанная Серпиана и в самом деле выглядела жертвой разбойничьего нападения. Хозяин трактира махнул рукой жене.

– Сейчас принесем чего-нибудь, – сказал он. – Что за разбойники? В этих краях? Надо бы донести барону. Он любит поохотиться на разбойников.

Дик покачал головой:

– Девочка очень испугалась. Она ничего мне не рассказала, да я и не стал расспрашивать. Но вряд ли бандиты решили задержаться в этих краях. Наверняка они знают о вашем бароне.

– Это точно. Что будет есть путешественник? И главное – пить? – Хозяин трактира многозначительно покачал в воздухе пивной кружкой.

Ричард непроизвольно сглотнул.

– Пива, – согласился он не без важности. – Темного, конечно. Свининки. На закуску чего-нибудь. Похлебки, конечно, свежего хлеба, сыра. Для девушки чего-нибудь сладкого. И скажи-ка мне, хозяин... – мысленно он взвесил свои денежные запасы, – можно ли здесь купить хорошего коня? Мой – вот незадача – пал.

– Отчего же нет. Завтра откроется ярмарка. Сегодня она уже закончилась – поздновато.

– Время, по-моему, для ярмарки неподходящее.

– Самое подходящее. Через пару дней в Лондоне большой королевский турнир. Все хотят попасть туда и, понятно, принаряжаются. Торговля идет лучше не надо.

По довольной физиономии трактирщика Дик понял, что и у того дела идут неплохо. Это, видимо, равно было связано с внеочередной ярмаркой и с грядущим турниром, так что молодой воин решил торговаться изо всех сил. Раздобревший от барышей хозяин может и уступить.

А потом в связи с известием о грядущем турнире Ричарда посетили совсем другие соображения.

– Кстати, далеко ли до Лондона?

– Путник, видно, совсем нездешний, раз так сильно заплутал. – Брюхо трактирщика заколыхалось от едва слышного смеха. – День пути. Если, конечно, на лошади.

– Я знаю. А более подробно?

Трактирщик сосредоточился и смог назвать приблизительное количество миль до городских ворот, а также количество мостов по дороге.

«Да, печально, – подумал Дик, садясь за столик в углу, где уже уютно притулилась Серпиана. – В такое время и в таких краях на те деньги, что я раздобыл у бандитов, не купить даже ободранной лошаденки под плуг. Выведи меня друид хоть в Корнуолле... Впрочем, тогда бы я точно не попал на королевский турнир. Как только я умудрился забыть о нем...»

– Тебя что-то беспокоит? – спросила его девушка едва слышно – так, что и ему пришлось наклоняться, чтоб разобрать слова.

– Не то чтобы... Я, понимаешь, из Йорка ехал в Лондон, думал попасть на турнир. Хоть и сомневался, а стоит ли... Из-за герцога. А потом совсем забыл о турнире из-за этого старика-друида и большого круга камней...

– О чем ты? – она сдвинула брови.

– Потом объясню. Я, собственно, о том, что завтра мы направимся в Лондон. На турнир.

– Что такое турнир?

– Увидишь. Это отличная штука... – Он помедлил. – Кстати, как-то не сообразил спросить – откуда ты знаешь английский язык?

– Я его не знаю, – Серпиана очаровательно улыбнулась. – Я читаю его из твоей памяти. – Ричард машинально прижал руку к виску. – Не надо волноваться. Больше ничего я читать не могу. Только это.

– Ты меня успокоила... Но, наверное, стоило спросить разрешение.

– Чтоб спросить разрешение, мне нужно было залезть в твою память и выучить твой родной язык. – Улыбка девушки стала еще очаровательнее. – Иначе ты просто не понял бы меня.

Ричард едва слышно выругался.

В дверях кухни появилась жена хозяина трактира – высокая женщина, в противоположность мужу довольно худая, с сединой, почти незаметной в рыжих волосах. Поджав губы, она подошла к столу, за которым сидели Дик и Серпиана, и показала обоим простенькое синее платье, кое-где полинявшее от стирок, и темный суконный плащ. Плащ был хорош.

– Пойдет, – согласился молодой воин и протянул одежду спутнице. – Хоть немного-то постесняйся! – процедил ей сквозь зубы, когда она собралась непринужденно сбросить с плеч его куртку.

Девушка старательно покраснела, плотнее закуталась в верхнюю одежду и под нею ловко влезла в платье. Что ж, ее гибкость и ловкость были вполне понятны.

Трактирщица одобрительно покивала, увидев Серпиану одетой, поправила на ней лиф и пояс, подтянула шнуровку и зашагала обратно. Девушка-змея, оглядев себя, проводила ее взглядом, в котором недоумения было больше всего.

– Ей понравилось... Что тут может нравиться?

– Вполне приличное платье.

– Оно выглядит на мне как мешок.

– У нас не принято демонстрировать достоинства фигуры так откровенно, как у вас.

Серпиана усмехнулась и еще раз взглянула на дверь, за которой скрылась жена трактирщика.

– Я понимаю. Все для некрасивых женщин, чтоб они не чувствовали себя ущемленными.

Ричард попробовал поданное ему пиво и одну фужку подвинул ближе к спутнице. Пощелкал ногтем по краешку.

– Ты пьешь? Это отличное местное пиво.

– Попробую.

Рядом с кружками появилась мелкая вяленая рыбешка на плетеном тростниковом блюде, соленый лук и перец, и мелкие кусочки жареного мяса. Остальную часть заказанного поросенка трактирщик подал в разнообразных видах, и уже после того служанка наконец принесла и поставила на стол плетеный поднос с двумя еще горячими серыми булками и маслом. И, конечно, была миска с бобами и мучной подливкой. Дик поморщился, глядя на бобы, – он не слишком любил их. Бобы считались пищей простолюдинов, но в замке его отчима бобы и фасоль появлялись регулярно, позже, на службе, тоже часто приходилось пробавляться ими. В людской и казарме знатных графов и герцогов этой пищей очень часто кормили солдат, слуг и гостей попроще. Но жаловаться было не на что. Для сытости, да к мясу должны были сойти и бобы.

Молодой воин взял нож и принялся пластовать свинину – горячую и сочную. Вкус у мяса был замечательный, видимо, поросенок еще утром бегал по двору. Серпиана ела свинину с удовольствием, не обошла вниманием и мелкую вяленую рыбку, запивая ее пивом. На бобы и хлеб она даже не посмотрела.

С шумом распахнулась дверь, причем наверняка от пинка ногой, и в трактир ввалился рослый парень в расстегнутом подкольчужнике поверх грязной рубашки и в высоких сапогах со шпорами.

– Эй, хозяин, каплунов, сыру и пива! И вина! Живее давай тащи еду!

– Сейчас, благородный господин, – засуетился хозяин. – Сейчас, дожарим на огне окорок и немедленно поставим каплунов.

– Я тебе что сказал?! – рявкнул парень – в его манерах Дик узнал повадки такого же, как он сам, безденежного молодого дворянина довольно низкого пошиба, для которого война и гонор – два способа прожить. – Я тебе сказал – каплунов! Я сказал – быстро! Ты чем слушаешь, жирнобрюх?

– Эй, парень, полегче. – Ричард поднялся, прекрасно понимая, что, если новоприбывшего не осадить, он может разойтись не на шутку. – Сейчас хозяин поджарит мне свиной окорок, а там, глядишь, и до твоих каплунов дело дойдет.

– Ты подождешь! Кто ты такой вообще?

– Я сказал – полегче!

– А морду твою грязную не размазать по столу?

Они оказались уже на расстоянии двух шагов друг от друга, померились взглядами, а потом шумно сцепились. Полетела на пол перевернутая ногой скамейка, вслед за тем упал и стол, в углу завизжала женщина. Серпиана привстала, с любопытством наблюдая за дракой, – зрелище так захватило ее, что девушка забыла даже о свинине. Молодые люди награждали друг друга ударами, потом рухнули на пол под хруст упавшего со стола блюда. Большинство ужинающих даже не поднялись с мест, они продолжали жевать, только головы повернули, чтоб не пропустить ни одной детали великолепного развлечения. Только те, кто сидел поближе к дерущимся, поспешили спасти свою заказанную еду.

Ричард быстро оказался сверху, крепко прижал противника к полу, врезал ему с размаху, впрочем, так, чтоб ненароком не убить, и встал на ноги. Парень, зашевелившись, посмотрел на Дика с пола не без симпатии. Протянул руку. Дик помог ему подняться.

– А ты силен, – протянул новоприбывший, улыбаясь. – Выпьем?

– Непременно. Подсаживайся. Сейчас поспеет окорок.

– Ага, а потом поднажмем и моих каплунов.

– Хозяин, слышал?

– Слышал, благородный рыцарь.

– То-то же. И пиво неси. Побольше!

– Тебя как зовут? – улыбаясь, спросил Ричард.

– Эдвин. Из Лейстера. А тебя?

– Ричард. Можно Дик. Из Корнуолла.

– Прямо из самого Корнуолла?

– Нет, из Уолсмера, местечка поблизости от Корнуолла.

Серпиана с интересом проследила за развязкой, и, когда Эдвин отвернулся, с улыбкой сказала Ричарду:

– Никогда я вас, мужчин, не понимала. Сначала дрались, теперь вроде уже лучшие друзья. Дик развел руками:

– Ну, надо же как-то проводить время. Служанка уже тащила свежезажаренный окорок. Двое мужчин споро располосовали его на крупные куски и вгрызлись в мясо. По ходу дела Эдвин продолжал распорядиться – куда нести его вещи, чем кормить двух его коней, сколько укропа сыпать в похлебку. Успел он отвесить и пару комплиментов в адрес Серпианы, но неназойливо, видимо понимая, что последствия ухаживаний за девушкой нового приятеля не ограничатся приятной для души и полезной для здоровья потасовкой.

– Как зовут красавицу? – поинтересовался он. Серпиана растерянно покосилась на Ричарда. Назойливый лейстерец этого, к счастью, не заметил.

– Ее зовут Анной, – ответил Дик за девушку и подмигнул ей, мол, запоминай.

– Отличное имя. – Эдвин дожеввал кусок окорока и потянулся за каплуном, как раз принесенным с кухни. Пальцами разорвал его на куски, хотя мясо, только что снятое с вертела, было горячим. Попробовал. – Отлично мясо. Отличное пиво... Куда направляешься, корнуоллец? На турнир никак?

– На турнир.

– Отличная идея – турнир. Вообще теперь, когда на трон взошел Ричард, все пойдет по-другому, правильнее. Он – настоящий воин, настоящий рыцарь. Теперь турниров и войн будет предостаточно. Генрих-то собирался в крестовый поход, не может быть, чтоб его сын не закончил начинание.

– А тебя это радует? – хмуро спросил Дик, пробуя курятину.

– Тебя что – нет? Добыча, пленницы. Мне рассказывали, сарацинки – настоящие красотки.

– У нас и без сарацинок в Англии есть красавицы.

– Конечно. – Эдвин покосился на Серпиану. – Но помимо англичанок всегда хочется попробовать еще и иноземок. Да и золото в Англии на дороге не валяется. После похода я бы себе купил деревеньку.

– Если тебе повезет.

– А зачем думать, что не повезет? Я буду верить в лучшее. – Он полез пальцами в кошелек на поясе и вынул маленький стаканчик с костями. – Сыграем?

– Почему бы и нет...

Ричард подозвал трактирщика, заплатил за комнату, перенес туда вещи и показал Серпиане на кровать. Комната была маленькая, но и к такой Дик был совершенно непривычен – в доме отчима он спал в одной комнате с братьями и их слугой, при дворах герцога Корнуоллского и графа Йоркского ночевал когда в общем зале, когда на конюшне. В трактирной комнатке имелаась самая настоящая кровать – деревянная, с потемневшей от времени спинкой и засаленным одеялом, брошенным поверх тюфяка. Был и старый сундук, на котором можно было расставить еду, в который можно было спрятать все самое ценное. Под окно был брошен еще один тюфячок, видимо, на всякий случай.

– Отдыхай, – сказал он спутнице. – Или такие, как ты, отдыхают только на деревьях?

– За кого ты меня принимаешь?... Можно ли попросить простыню?

– Это еще что такое? Лучше не надо ничего просить, чтоб тебя не сочли чужачкой.

Серпиана вздохнула:

– А помыться можно?

– Ты же, по-моему, чистая. – Дик пожал плечами. – Хорошо, распорядись, чтоб принесли бадью. Помойся.

– А ты? – Девушка кокетливо улыбнулась.

– А мне зачем? Я мылся месяц назад! – Он покачал головой и спустился в зал.

Эдвин уже ждал его над новой кружкой пива. Стаканчик, где были кости – четыре маленьких кубика, вырезанных из бычьего мосла и покрашенных двумя уже пооблупившимися красками, желтой и черной, он уже открыл. Закусив остатками свинины, Ричард кивнул лейстерцу, и они начали игру.

Игра в кости так же проста, как все, чем развлекаются наемники. Встряхнув кости в кружке (стаканчик был маленький, походный, и предназначался только для перевозки), молодые люди по очереди бросали их на стол и подсчитывали количество точек на гранях. Обладатель наибольшего числа очков оказывался победителем. Такое примитивное занятие даже игрой сложно было назвать, особого умения или внимания она не требовала. Удача склонялась

то на одну, то на другую сторону. Те посетители трактира, кому нечем было заняться, пристроились поблизости со своими кружками – играть они не собирались, но посмотреть на то, как кости мечут другие, всегда приятно. Кроме того, интересно послушать фразы, которыми игроки то и дело перекидываются друг с другом или вовсе безадресно.

Но меняться медяками Дику и Эдвину быстро надоело. Кроме того, хмель уже изрядно ударил им в головы, особенно Эдвину, который кроме пива выхлебал еще полную бутылку вина. Молодые воины переглянулись, и лейстерец первым предложил поставить что-нибудь более дорогое.

– Ни у тебя, ни у меня нет никаких владений. – Ричард пожал плечами. – К чему такое предложение?

– У меня есть доспехи, они стоят доброго поместья.

– Ну, не надо. Поместья стоят доспехи с конем.

– Ладно, пусть будет так. А что поставишь ты?

Дик ненадолго задумался:

– Ну, скажем, Анну.

– Твою девушку?

– Да.

– Идет! – Эдвин потряс кружку с костями. – Давай десять полных кругов. И посчитаем победителя по общему результату.

– Идет! – Дик поддернул рукава – для удобства. – Начинай.

Лейстерец еще немного потряс кружку и кинул кости с широкого разворота, который у знатоков считался «шикарным». Кости вылетели из руки, прикрывающей развал сосуда, и, натолкнувшись на поднос, остановились.

– Девять и восемь, – усмехнулся Эдвин.

– Неплохо. – Дик собрал костяные кубики в кружку. Потряс, бросил. – Семь и двенадцать.

– Тоже ничего... Шесть и восемь.

– Семь и семь.

– Девять и шесть... За кем были первые два круга?

– Не посчитал? Первый – за тобой, второй – ничья.

– Ничью предлагаю перекидывать. Пусть все будет очевидно.

– Идет... Десять и пять. Снова ничья, да что ты будешь делать!

Они сосредоточенно кидали кости, подсчитывая результат, а сгрудившиеся вокруг зрители следили, чтобы все было как полагается. Тем и хороши были зрители: помимо советов они всегда могли сказать, за кем именно перевес, потому как несколько не волновались – деньги, стоявшие на кону, их не касались.

Несмотря на договоренность переигрывать ничью, ничья тем не менее упрямо преследовала их, и если по каждому отдельному кругу перевес был очевиден, то в целом фортуна качала головой, склоняясь то к одному, то к другому. Бросив десятый круг, они переглянулись, потом уточнили у зрителей и выяснили, что могли поделить количество очков приблизительно пополам. Некоторые самые рьяные игроки, считающие себя знатоками костей, принимали во внимание не только фактический перевес, но и количественный, по очкам. Для этого нужна хорошая память и внимание, а оба игрока были уже изрядно пьяны.

– Что будем делать? – спросил Дик.

– Давай последний круг, и он будет решающим. – Эдвин, разгоряченный пивом и азартом, грохнул кружкой о стол. – Идет?

– Идет! – Ричард протянул лейстерцу руку, которую тот охотно пожал. – Играем. Кидай первый.

– Восемь и двенадцать! – Эдвин ликующе рассмеялся и махнул трактирщику. – Тащи пива, хозяин. Выпью за свою новую рабыню.

– Второй еще не кинул – что ты разорался? – укоряюще одернул один из зрителей, седоголовый старик с острым глазом опытного игрока. – Ты же не два дубеля выкинул. Дай товарищу бросить.

– Спасибо, старик. – Дик раскачал кружку с костями на ладони и опрокинул.

Костяные кубики, слабо подсакивая, раскатились по столешнице. Одна из костей замерла на ребре, и Ричард, глядя на нее, мысленно подул. Кость словно кто толкнул, она немедленно развернулась и легла шестеркой.

– Девять и двенадцать, – известил молодой воин, глядя прямо на Эдвина. – Я забираю твой доспех. И коня.

Тот, впрочем, не долго огорчился.

– Ну, ничего, – и, почесав затылок, махнул рукой. – Я себе еще лучший доспех выиграю! – Встал и, пошатываясь, повернулся к трактирщику. – Хозяин, я у тебя ночую. Где мой уголок?

Ричард помог выпивохе добраться до соломы в углу, уложил – тот захрапел, еще не успев коснуться головой земли, – прибрал кости, засунул их в стаканчик, стаканчик – в кошелек Эдвина и поднялся в свою комнатку.

Серпиана уже погасила лучину, бадью вынесли, только на полу остались темные пятна от выплеснувшейся через край бадейки воды. Новое платье девушки-змеи лежало на сундуке, а сверху – прежнее одеяние, уже слегка починенное. Дик стащил сапоги, куртку и рубашку, потом, подумав, скинул шоссы и забрался под одеяло.

Его рука нашла под одеялом ее тело, теплую шелковистую кожу – Серпиана легла спать совершенно обнаженной. Не просыпаясь, она изогнулась под его прикосновениями, да так, что Ричарда пробил жар. Он коснулся ее груди, чувствуя, как в его жилах играет кровь, требуя утоления жажды, что сжигала его уже месяц, а если учесть, что таких красавиц он еще никогда не укладывал в свою постель, – то всю жизнь. Девушка что-то замурлыкала во сне, но ее мурлыканье немного напоминало шипение. Это нисколько не охладило его пыл, напротив, показалось особенно возбуждающим. Он притянул ее к себе и слегка куснул за ухо.

– Просыпайся, – шепнул он одним дыханием. – Или мне тебя прямо так, сонную брать?

– Как хочешь, – прошептала она в ответ, видимо не собираясь открывать глаза.

В эту ночь он понял, что змеи, а в особенности девушки-змеи, – очень хорошая штука. Как оказалось, Серпиану можно было изгибать как угодно, она нисколько не спорила и не жаловалась, что ей неудобно или больно. Прежде Дик никогда не «завязывал» своих партнерш столь замысловатыми «узлами» – не решался. Куда там изогнуть особым образом деревенскую бабу – не позволит. Знатные же дамы, проводящие жизнь у очага за вышиванием и лишь изредка катающиеся верхом, не слишком-то гибки. Податливость тела новой подруги была Ричарду очень приятна.

– Подремли еще немного, – шепнул он ей на ухо. – Выйдем до света. Я тут у одного парня выиграл доспех и коня, как бы он не взялся, проспавшись, оспаривать выигрыш.

– Разве это будет правильно? – прошептала она. – Разве ты нечестно выиграл?

– Все честно, но люди бывают разные. Вдруг захочет оспорить зачем вводить человека в искушение? – То, что со своей стороны он играл на нее, Дик говорить не стал. Незачем ей знать. – Спи.

ГЛАВА 4

Турнир, разумеется, проходил не в самом городе – нигде в Лондоне не было места для подобных мероприятий. Трибуны сколотили за городом, поодаль от каменных стен, на зеленой лужайке. Главная трибуна была расположена на холме, по ветру бились роскошные шелковые полотнища, украшающие ее. По сторонам большого балкона, на котором должны усесться король и самые знатные лорды и леди королевства, вкопали два флагштока. Впрочем, на них еще не развевалось ни одного флага. Флаги должны были быть подняты тогда, когда король прибудет на поле. По сторонам от почетной трибуны были развернуты другие – без навесов, с обычными скамьями, убранными самой простой материей, предназначенные для самых разных гостей. Дальше же тянулись шатры, поставленные теми, кто собирался участвовать в поединках. Арена была отгорожена незатейливой оградой – толстые (бревна, упирающиеся на вкопанные торчком обрубки, – но весьма надежной. Даже ограда была украшена цветными флажками... и шлемами тех, кто собирался участвовать в боях. Ричард вздохнул. Он был недостаточно родовит, чтоб представить свой шлем – символ своего благородного имени. Даже рыцарское звание еще не отягощало его. Так что сразиться с кем-либо он мог только в свободное время и по уговору или в общей схватке, которая обычно предпринималась на второй день.

Арену уже давно окружали те, кто хотел взглянуть на бои. Простолюдины стягивались к месту турнира загодя, устраивались лагерьками вокруг выбранного распорядителями празднеств поля и ждали. Они занимали удобные зрительские места поближе к арене, хотя понимали, что пришедшие в последний день младшие отпрыски мелких дворянских семей, которые с натяжкой могли назваться дворянами, но зато являлись обладателями доспехов и оружия, оттеснят их. Они, претендующие на участие пусть даже в общем бою, все-таки могли себе позволить вольности, да и просто имели в руках силу, достаточную, чтоб расталкивать крестьян и простых горожан.

Ричард не стал бы никого расталкивать, но предпочитал вести себя так, чтоб его пропускали. И его пропускали – меч на поясе, кольчуга и боевой конь в поводу убеждали, что лучше с ним не связываться, Серпиану, которой он успел прикупить приличный наряд в одной из городских лавок, Дик тянул за собой за руку.

– Как выглядят ваши турниры? – поинтересовалась девушка.

– Ты все увидишь.

Молодой воин обошел заполненное народом поле и пробрался поближе к шатрам – здесь толпилось меньше зевак, и можно было без труда провести лошадь, особенно если поработать горлом. Меж шатров он не имел права находиться, как никому не известный воин, но надеялся, что доспехи и конь будут достаточным аргументом, чтоб вклиниться в строй. Кроме того, молодой король был известен своей склонностью к романам о рыцарях Круглого стола и о короле Артуре (правитель, конечно, никогда не читал, но слушать баллады любил), так что, пожалуй, хотя бы только по этой причине незнакомого вооруженного молодого человека могут пустить на турнир – ведь это так похоже на баллады!

Да, если бы не эта досадная ссора с графом Йоркским, он мог бы выступать сейчас в его свите. Ричард улыбнулся, подумав о том, в какую лужу сел супруг его бывшей любовницы. Он вспомнил Альенор, потом взглянул на Серпиану. Нет, его трофеем, привезенный из другого мира, несомненно лучше, чем чванная знатная дама.

– Эй, парень, что жмешься к шатрам? – Один из охранников махнул Дику рукой. – Тебе здесь не место.

– Почему же? Разве турнир не для всех, кто относится к знати? – задорно ответил Ричард.

Охранник подошел поближе. Кстати, судя по его кольчуге и уверенному виду, это был не простой солдат и даже не сержант, а, скорее всего, оруженосец какого-нибудь барона или графа.

Одет он был просто, но фибула, которая, видимо, предназначалась для всех случаев жизни за неимением другой, выглядела очень внушительно и несла несомненно геральдический знак. Он оценивательно оглядел Дика, его коня, его спутницу и выюки, вмещающие что-то знакомое глазу воина, тяжелое и время от времени погромыхивающее.

– Доспехи есть? Конь, я вижу, вполне приличный.

– Есть доспехи.

– Ну ладно, заводи его сюда, к кормушке. Хочешь участвовать в общей драке?

– Понятное дело.

– Как тебя зовут? Откуда ты?

Ричард назвал имя своего отчима и место своего рождения. Оруженосец развел руками:

– Что ж, думаю, граф не будет возражать.

– Что за граф?

– Бёгли. А тебе не все равно?

– Не все. К Йорку я бы не пошел.

– Устрой своего коня здесь. Это твоя девушка? Она может передохнуть вот в той палатке.

Это наша палатка, но пока там никого нет.

Дик повел Серпиану к маленькому белому шатру, растянутому на шестах и ничем не крашенному в отличие от собственных палаток графов и баронов, туда же отнес все вещи. Она оглядывалась, и ее взгляд он истолковал как испуганный.

– Не надо бояться, – сказал он негромко. – Я буду с тобой.

– Я не боюсь. Я хочу посмотреть на схватку.

– Скоро уже начнется. Дожидаются только короля.

Вдалеке загудела труба, и, не отпуская руку Серпианы, Ричард кинулся к ограде арены. Об этом мгновении он тайно мечтал всю жизнь, теперь прилип к поперечному бревну и жадно смотрел на кавалькаду, несущуюся со стороны Лондона. Можно было не сомневаться, что скачущий впереди мужчина в алом – это король Ричард. С такого расстояния трудно было рассмотреть его, только коня оценить на всем его скаку – хороший конь, кстати, больше чем на ладонь выше остальных и, конечно, очень резвый. Дик вытянул шею, рассматривая правителя и его свиту.

И то и другое было роскошно – яркие шелка, бархат, вышивки и отделанные золотом ремни, драгоценности, которых на мужчинах было едва ли не больше, чем на женщинах, разноцветные попоны и султаны страусовых перьев на лошадях, пестрые туники и султаны страусовых перьев на шлемах рыцарей. Зрелище было великолепное, но Дик, как ни гранно, не испытывал ни малейшей зависти к тем, кто мог позволить себе разукраситься так пышно смотреть на них, конечно, приятно, но к вооружению и амуниции незаконный сын короля всегда относился сугубо функционально. А попробуй в бою сражаться с врагом, имея на себе кучу украшений, дорогих цветных тряпок и целый пук огромных перьев! Те, кто все это на себя навьючивал, явно никогда не бывали в настоящем сражении. Июль в этом огоду был не слишком жарким, но даже в обычной суконной курке было жарко, как в мехах. Что уж ждать от бархата и парчи?

Кавалькада замедлила размашистую рысь своих коней, лишь когда влетела в пределы арены. Король поднял коня на дыбы у самой трибуны, и дамы, уже успевшие заполнить боковые помосты, принялись рукоплескать и восторженно приветствовать его. Ричард, сын покойного Генриха, был высок и виден и, конечно, не мог не нравиться женщинам. Разумеется, золотой венец на голове добавлял ему привлекательности в глазах представительниц прекрасной половины человечества. Как говаривали шутники, дамы всегда верны престолу и готовы исполнить любое приказание правителя. Сейчас, так похожие на сборище ярких птиц, они являлись неплохим украшением турнирного поля. Должно быть, среди них есть и Альенор, подумал Дик. Конечно, есть, вон флажок графа Йоркского, раз он здесь, значит, и графиня тоже присут-

ствует. Интересно, как скоро она окажется в постели короля? Молодой воин тихонько фыркнул.

Оруженосец схватил повод королевского скакуна, и Ричард I соскочил с коня. Трубы ревели так, что уши закладывало, по крайней мере у тех, кто стоял близко к трубачам, дамы пытались заглушить их рев своими восклицаниями – словом, короля приветствовал тот самый шум, который он больше всего любил. На флагштоки торопливо подняли знамена – одно английское, другое личное королевское. Все, кто сидел, встали, дожидаясь, пока правитель неспешно поднимется на трибуну, пока подойдет к трону, пока сядет. Шатры были расположены довольно далеко от королевского места, но Дик обладал прекрасным острым зрением. Короля он рассматривал с болезненной внимательностью.

Ричарду не так давно исполнилось тридцать два года, он был еще молод. Впервые в жизни Дик попытался вычестить из возраста короля свой собственный возраст, морща лоб, вспомнил, что ребенок находится в материнской утробе больше девяти месяцев и для круглого счета добавил еще год. Получалось, что королю было тринадцать лет, когда он взял на свое ложе мать Дика. Молодой воин устался на носки своих сапог. Среди его современников взгляд на права короля был совсем иной, чем столетия спустя, и вряд ли то, что Ричард сделал с Алисой из Уолсмера, можно было назвать изнасилованием. Королю было разрешено то, чего нельзя другим, да и сама женщина отнеслась к случившемуся спокойно, с фаталистским равнодушием. Может быть, именно потому Дик не испытывал к Ричарду никакой ненависти – только вполне законный интерес. Он глядывался в короля, которого почти уже не видел, – развевающиеся знамена постоянно норовили закрыть трибуну от его глаз – и пытался на его лице отыскать свои черты.

Но с такого расстояния сделать это было практически невозможно, и, едва слышно вздохнув, Дик отвернулся. Он умел ждать.

А через несколько минут распорядитель торжеств объявил о начале турнира. Оруженосцы кинулись к выставленным на всеобщее обозрение шлемам и понесли их своим господам. Серпиана с восхищением смотрела вслед уносимым шлемам. Большинство их было изукрашено самым причудливым образом – и драгоценностями, и золотом, и узорами, иногда гребнями, иногда фигурками дракона или вставшего на дыбы единорога, иногда даже целыми скульптурными группами. Разумеется, не было недостатка и в пуках перьев, и в целых охапках крашеного конского волоса – для любителей. Посмотреть было на что. Особенно практичный человек мог попытаться подсчитать, во что обошлось все это великолепие. Собственно, как раз здесь, на турнире, крестьяне при желании могли полюбоваться всеми своими податями. А на королевском – еще и налогами.

Ваши воины на самом деле сильны, если могут воевать с такими башнями на голове, – сказала Серпиана Дику.

– Не думаю, – отмахнулся он.

Рыцари, нацепив шлемы, разрядившись в цветные наряды, роскошь которых была поистине умопомрачительна, продефилировали по арене перед королевской трибуной и – чего скрывать – перед дамами, которые ахали, рукоплескали, а некоторые ловко выдергивали шнуровку из рукавов и, сдергивая их, бросали понравившимся рыцарям. Иногда и не трудились вытаскивать шнуры, просто обрывали. Что ж, показать себя хотели не только мужчины, но и женщины.

Развернув коней, графы и герцоги еще разок проскакали по арене, бароны поспешали за ними. Следом настало время поединков, была установлена очередность, и пары разъехались в разные стороны. Чтоб дать возможность всем рыцарям сразиться со всеми, не хватило бы и месяца, если каждой паре на время отдавать всю арену. Потому, если ради экономии времени затевался только поединок на мечах или палицах – без копий, на поле устраивались сражения разом трех-четырех, а то и пяти пар. Состязание на копьях, конечно, требовало простора, но,

очевидно, граф или герцог может позволить себе больше, чем бедный, незнатный и никому не известный рыцарь. Разумеется, если поразмяться выходили родовитые дворяне и, тем более, сам король, никто им не мешал.

Да, надо признать, что грохоту рыцари устраивали предостаточно. В особенности когда копыта или палицы сталкивались со щитами, или один из сражающихся грузно падал на землю, шума получалось много. Потом, вяло шевеля руками и ногами, закованными в металл, поваленный на землю и, естественно, оглушенный ударом пытался подняться, самостоятельно встать на ноги. Некоторым это удавалось, других, как малых детей, ставили вертикально подоспевшие оруженосцы. И тогда схватка продолжалась на мечях. С реальным боем, конечно, турнир имел мало общего, в битвах рыцари использовались как тяжелая конница: налетая на врага единым строем, они сметали его с пути, не слишком заботясь о том, чтоб знать или видеть, куда бить, – за меч в битве они зачастую даже не брались, обходясь копьем. Вернее будет сказать, битвы за рыцарей выигрывали их кони, без разбора топтавшие пехоту.

Впрочем, и на турнире от коня зависело многое, Нести на себе тяжеленного всадника, наряженного в кипы бархата и парчи, да к тому же еще в железе – это не на альпийском лугу резвиться. Не зря во Франции специально для рыцарей так старательно выводили породу булонских тяжеловозов, способных тащить на себе больше, чем другие лошади. Конь, разгоняясь по арене, должен был выдержать столкновение и устоять. С другой стороны, в том случае, если наездник летел на землю, это получалось легче.

Серпиана некоторое время смотрела на рыцарей, с грохотом сталкивающихся, а потом недоуменно посмотрела на спутника:

– И в чем тут смысл?

– То есть?

– Ты сказал, здесь турнир. Турнир – это состязания воинов. А здесь два мужика, затолканные в железные шкуры и железные горшки, пытаются сбить друг друга с коней. В чем же смысл?

– Тот, кто сильнее и умелей, удерживается в седле, тот, кто слабее, – падает.

– Так надо навьючить на себя побольше железа, – оживилась девушка, – разогнаться, и тогда противник, который весит меньше, непременно вылетит из седла.

– Во-первых, тот, кто более опытен, сумеет отразить копыта щитом. Кроме того, после схватки верхом бой продолжается на земле, на мечях.

– Можно слезть с коня, разбежаться и забодать противника шлемом. – Серпиана окончательно развеселилась. – Если тот, кто разбежится, будет весить больше, чем второй, то...

– Ну, хватит, это же все весьма серьезно. – Ричард старательно пытался сохранить сосредоточенное выражение лица.

– Как насчет того, чтобы продемонстрировать даме все преимущества наших турниров? – спросил подошедший поближе оруженосец графа Бёгли, разрешивший Дику поучаствовать тоже. Он выглядел оживленным и веселым. – Не хочешь размяться?

– Хочу. Но как?

– Сейчас арену займут знатные лорды, а потом будет перерыв. Я уже договорился на это время, но мой противник вынужден везти своего господина во дворец – его сильно помяло. Не хочешь?

Дик кивнул, но, заметив, что поединок на копьях перешел в схватку на мечях, а значит, зрелище затягивается, решил еще немного посмотреть.

На арене как раз схватились Бальдер Йоркский и Роберт Уинчестерский. Дик со злорадным удовольствием смотрел, как Роберт – рослый, широкоплечий, затянутый в золоченую красивую кольчугу с коваными наплечниками и нагрудником, – предварительно спешившись, колотил Йорка по шлему, превращая в лепешку украшающий его гребень, а совершенно оглушенный Бальдер был не в состоянии оказать ему сопротивление. Его супруга, конечно, тоже

была здесь, Дик разглядел ее на почетной трибуне, щеголяющую роскошным платьем и уже флиртующую с кем-то. На Альенор, которую совсем недавно называл «своей» Альенор, он посмотрел с отстраненным интересом и оценивающе, как на женщину, которую мог бы получить, если бы захотел. Но зачем? С очень сложным чувством Дик следил за тем, как супруга графа Йоркского, кроме всего прочего, пытается обратить на себя внимание короля – против этого не мог бы возражать даже ее муж. Впрочем, судя по цветущему виду, и за Дика ей почти не попало, похоже, Бальдер придерживался того мнения, что роль женщины в измене ничтожна. Не странно было ему привыкнуть так считать, если уж он не пришиб супругу в самый первый раз.

Но, похоже, графине с королем ничего не светило – правитель был слишком поглощен созерцанием происходящего на арене. Роберт Уинчестерский как раз покончил с Йорком и в виде поощрения получил право внеочередной схватки с кем-нибудь из знати по своему выбору. Он выбрал Роберта Лестера, графа Ланкастера. Они – оба опытные драчуны – на полном скаку сшибались аж трижды, и только в четвертый раз Уинчестер поддел Лестера на копье и швырнул на землю. На том весело задрезбуждали наплечники и латные накладки, когда он по инерции еще несколько раз перекувырнулся на траве. Разумеется, великолепный страусовый султан на его шлеме приказал долго жить. То ли не сильно ушибся, то ли слишком обиделся за попорченное пушистое украшение, но граф Ланкастер очень бойко поднялся на ноги (дамы аханьем и рукоплесканиями отметили этот его подвиг) и, выдрав меч из ножен, кинулся на Уинчестера. Дик оценивающе оглядел обоих и решил, что бой можно и посмотреть – предугадать, кто именно победит, невозможно. Равные шансы. Оба Роберта смотрелись достойно. Лестер подскочил к Уинчестеру и хорошенько огрел его по голове мечом, тот не остался в долгу, и завязалась великолепная драка, в которой от поединка, демонстрирующего высокое боевое искусство обеих сторон, не осталось ничего. Граф Ланкастер был изрядно ушиблен, его противник – серьезно оглушен, поскольку один из ударов копьем он отразил так неудачно, что наконечник все же задел шлем. Должно быть, теперь у него сильно звенело в ушах.

Серпиана какое-то время критически наблюдала за боем двух неуклюжих из-за тяжелых доспехов мужчин, а потом ткнула пальцем в сторону Лестера:

– По-моему, он побеждает. Нет?

Дик тоже уже склонялся к такому выводу и, нагнувшись к спутнице, чтоб говорить на ухо, ответил:

– Ярость – великое дело.

– По поводу чего ярость? Из-за того, что вышибли из седла? – Девушка покосилась на цветные, колеблемые ветром перья, украшающие траву, и вспомнила о той сочной мясистой птичке, которую съела в последний раз, змеей проколовшись в кусты. – Или ему жалко той ерунды, что была у него на гребне?

– Все может быть. Знаешь, страусовые перья стоят довольно дорого.

– Такая мелочь дорого стоит? – развеселилась Серпиана. Непроизвольно облизнулась. – Зачем тогда их носить на боевых доспехах? Если нужны перья, можно из петуха нащипать и нацепить...

Дик расхохотался:

– Ну, предложи это нашим рыцарям.

Звон в ушах да и усталость явно давали о себе знать, уже дважды Лестер повергал Уинчестера на траву, но неудачно, и тому удавалось подняться. В третий раз Роберт встал с помощью шустрого оруженосца, вынырнувшего откуда-то из-за его спины. У изрядно измотанного Уинчестера, похоже, поубавилось боевого пыла. В конце концов противник повалил его совсем рядом от себя, широким предостерегающим взмахом меча отогнал кинувшегося было оруженосца и предложил сдаваться. Уинчестер запросил пощады, и только тогда его оруженосец был допущен к господину. Поверженного графа поставили вертикально и повели к шатрам.

К тому моменту Дик уже успел облачиться в доспех. Поединок, пожалуй, совершенно перестал его интересовать с того момента, как Роберт Уинчестерский справился с Бальдером Йоркским. Тогда же он перебрался к шатрам, Серпиана же, которая опасалась оставаться в незнакомом месте в одиночестве, последовала за ним. Впрочем, стоя у шатров, она видела все, что происходило на арене, да еще имела возможность помочь спутнику одеться. Она держала его наплечники (тяжелее этой части доспеха бы, только нагрудник, но даже его девушка подняла без особых усилий – все-таки она была не совсем человеком) и краем глаза с удовольствием следила за тем, как Лестер колотил Уинчестера. Ей очень хотелось рассказать спутнику о тех турнирах, которые видела она, тех, в которых сама приняла участие и о тех, в которых мог бы поучаствовать он, но не решалась отвлечь мужчину, готовящегося к бою.

Но и законы местных турниров показались ей занимательными. По правилам противники бились, пока один не сбросит другого на землю или не сломает его копье, далее мог последовать пеший поединок, либо воины расходились, чтоб помериться силами с кем-нибудь еще. Полагалось наносить удары только по торсу, выше пояса, – по груди, плечам, шлему либо по щиту, изготовленному так, чтоб наилучшим образом отбивать прямой удар. Кроме доспеха и шлема воин был еще защищен сравнительной легкостью турнирного оружия и, конечно, собственным искусством.

Как только стало ясно, что Лестер закончил развлекаться, оруженосец, чье имя – Джордж Эддли – Дик невесть когда успел узнать (Серпиана, которая, казалось, не отходила от него ни на шаг, слышала это имя только тогда, когда молодой воин к нему за чем-то обратился), сделал знак выезжать на арену, и корнуоллец последовал за ним, взвешивая в руке турнирную палицу. Поскольку времени на то, чтоб сшибиться в схватке на копьях, им не дали, оставались палицы и мечи, но и в таком бою можно получить уйму удовольствия. Палица показалась молодому корнуолцу слишком легкой – вряд ли больше двух фунтов, – и он с сомнением покачал укрывшей шлемом головой.

Большая часть публики спускалась с трибун, чтоб слегка размяться, – безвестные оруженосцы не могли рассчитывать на то, что зрелище их схватки заинтересует многих. Ни Дика, ни Джорджа это не смутило ни на минуту, тем более что приятели Эддли, сгрудившиеся на одной из длинных скамей трибуны, громкими криками подбадривали своего друга и торопливо давали ему советы, как лучше всего прибить незнакомца. Джордж молча скалил зубы.

Они не стали тратить драгоценные минуты на то, чтоб разъехаться, снова съехаться, – миновали внутренний круг ограды и сразу же сцепились. Эддли размахивал палицей с уверенностью опытного турнирного бойца и пятками то подгонял коня, то пытался завернуть его. Конь, и сам опытный не меньше, чем хозяин, маневрировал уверенно и нисколько не пугался скрежета и шума, раздающегося над его головой, только слегка присаживался на задние ноги и опускал голову.

Своим конем Дик был доволен куда меньше. Да это и понятно. Чтоб подготовить хорошего боевого коня, нужно время, еще более важным является тесное знакомство хозяина и его скакуна. А коня Дик выиграл всего-то денек назад. С лошадьми, как и с собаками, он умел ладить с детства, но они оба должны были освоиться друг с другом, узнать привычки и склонности. Если бы был выбор, Дик не стал бы выезжать на арену на этом коне. Но фигурировать в бою в качестве безлошадного слуги?... Нет, увольте.

Предыдущий конь Дика умел отзываться на движения колен и пяток хозяина (если тот и надевал шпоры, то непременно без шипов – не хватало еще искалечить животное), этим пришлось управлять с помощью повода, а значит, не оставалось свободной руки. Но Дик и не думал сдаваться. Он отмахивался от Джорджа палицей и осваивался с конем, поворачивал его то так, то эдак, заставляя то попятиться назад, то прыгнуть вперед. Скакун хорошо слушался повода и скоро успокоился, свыкся с непривычной манерой нового хозяина. Этого-то и ждал

Дик. Он ударил коня пятками по бокам – от неожиданности тот встал на дыбы – и сверху обрушил на противника сильный удар.

Джордж Эддли неплохо владел палицей, надо отдать ему должное, но от такой атаки несколько опешил. Закрылся палицей, совершенно для того не предназначенной, позабыв, что в подобной ситуации лучше подставлять щит (молодой Ричард знал, что делал, и ударил неудобно для себя, но зато с той стороны, где щита не было). Оружие было легкое, специально для того, чтоб не причинить большого вреда, но тем не менее выверенного удара со всего размаха оказалось достаточно, чтоб выбить палицу из руки Эддли. Не тратя ни мгновения, Дик добавил – на этот раз по шлему противника, еще и еще раз. Эддли попытался заслониться щитом, неловко задел им своего коня, тот скакнул в сторону и сбросил Джорджа.

Дик соскочил вслед за ним, радуясь, что теперь ход боя можно доверить собственным ногам, а не лошади, с которой еще предстоит должным образом познакомиться и которая может взбрыкнуть буквально в любую минуту. Отпустил повод и встал над Эддли, ожидая, пока тот приведет себя в порядок.

– Пеший бой? – предложил с улыбкой молодой Ричард. Джордж коротко кивнул, выдернул меч из ножен, и дал Дику знак начинать.

Дик не взял с собой на арену трофейный клинок с золотой полосой по долу – он помнил, что старый друид сказал о неожиданностях, которые могли подстергать молодого воина, завладевшего этим оружием, – потому ограничился старым. Конечно, и старый клинок был хорош для турнира, где главное – как следует повалить противника по траве. Потому и атаки, которые он предпринимал против Джорджа, были мало похожи на освоенные Диком для боя. Бить надо было осторожно и не в уязвимые места, хотя соблазн часто был велик: похоже, Эддли испытывал некоторую нужду в деньгах – наручи его были староваты, они не защищали руку полностью. Дик старался этого не замечать.

Они рубились в течение нескольких минут, все ускоряя темп. Оба двигались в доспехах свободно, казалось, нисколько не уставали, хотя жара, несмотря на пасмурную погоду, стояла тягостная, и скоро большинство тех, кто уже собирался уходить с трибун, немного подзадержались. Даже король, который как раз обсуждал со своим сенешалем важное дело, одновременно утоляя жажду вином из большого кубка, заинтересованно обернулся. Схватки он любил, особенно такие, в которых видно было мастерство сражающихся. Леди Альенор, сперва поглядывавшая на бывшего любовника снисходительно, – все-таки его одеяние и доспехи были далеки от совершенства и на фоне остальных смотрелись убого, – заметив, что на него смотрят одобряюще, приосанилась.

Джорджа знали многие, он служил при графе Бёгли и успел прослыть большим забиякой, драчуном и неплохим мечником. Граф не настаивал на его посвящении в рыцари только потому, что считал его еще слишком молодым для этой чести. Но король, также отметивший бойкого оруженосца, кроме того, весьма учливого, ловкого на охоте и в схватке, собирался провести обряд посвящения в первое же удобное время. Его поединок с достойным противником, еще не носящим рыцарских шпор, привлек внимание Ричарда. Жестом он велел подать закуску и оделить всех сидящих в почетной ложе вином – угощаться приятней всего, конечно, под хорошее зрелище.

Дик рубился с Джорджем самозабвенно, впервые за долгое время от души наслаждаясь этим процессом. Он мог быть уверен, что никто не налетит на него сзади, не воткнет в спину ни кинжала, ни стрелы. То парируя, то уворачиваясь от ударов Эддли, он не мог не оценить, насколько хорош его противник. Но это только добавляло удовольствия – что толку махать мечом, имея дело с каким-нибудь мальчишкой, только вчера узнавшим, где у меча рукоять? Но даже самый лучший мечник делает ошибки, и цель его противника – не упустить свой шанс. Дик был внимателен, собственно, если б это оказалось не так, его бы уже не было в живых.

Поймав оружие Джорджа на какой-то атаке в крестовину своего клинка, Дик рванул на себя и вбок.

– Эддли не выпустил меч, но был вынужден пробежаться за ним. Дик подставил ему ногу, и Джордж полетел на землю. Он был не новичок, знал, что делать, если тебя сбили, и, перекатившись, полоснул клинком почти вровень с землей – Дик едва успел перепрыгнуть через летящую над травой стальную полосу. Миг – и Джордж уже был на ногах: в отличие от всех этих графов и баронов он мог сделать это без помощи оруженосцев. Перехватив меч поудобней, он ринулся на противника, словно намеревался ударить его всерьез. Дик легко увернулся.

А от шатров, где готовились к поединку Эдвард Монтегю и Хамфри Стаффорд, уже бежал распорядитель торжеств. Заинтересованные зрители рассаживались по трибунам, прерыв заканчивался, но эти двое и не думали прекращать бой. Пока победа не склонилась еще ни на одну из сторон, и стороны, естественно, не следили за временем.

– Господа, господа!...

Распорядитель празднования замахал руками, но господа его не слышали. Они со звоном и грохотом фехтовали, игнорируя все попытки милорда чиновника вмешаться.

Да и он-то не слишком старался вклинуться меж ними – мечи в их руках были не турнирными, как палицы, а самыми настоящими. Покрутившись вокруг увлекшихся оруженосцев, распорядитель беспомощно посмотрел в сторону почетной трибуны, надеясь, что король делает знак своим людям, и те растащат увлекшихся буянов. Но Ричард с удовольствием следил за ходом поединка и не отреагировал. А поскольку Монтегю и Стаффорд желали сражаться притензии за задержку они, разумеется, будут предъявлять не королю, а распорядителю, тот решил еще раз попытаться.

– Господа, ваше время истекло, – уныло окликнул он. – Прекращайте!

Дик ушел от косою полосующего удара Джорджа, ударил сам, добавив силы напора с разворота, тут же рубанул сверху, выбил у Эддли меч, кольчужной рукавицей ударил противника по плечу и коротко поклонился.

– Прошу прощения, – с улыбкой извинился он. – Кажется, мы слегка увлеклись.

Король захохотал, откинувшись на спинку кресла, даже Стаффорд и Монтегю повеселели. Дик подождал, пока Джордж поднимет меч, приобнял его за плечи и повел к шатрам.

– Как имя этого молодого человека? – поинтересовался Ричард у стоящих и сидящих рядом людей. – Он отлично дерется.

– Это низкорожденный и докучливый мерзавец, – мрачно проговорил Бальдер Йоркский. – Ваше величество, гоните его со своего турнира.

– Ни в коем случае, – венценосец слегка нахмурился. – Пусть ему передадут – я желаю видеть его в общем бою, завтра же. Под чьим стягом он сражается?

– Под стягом графа Бёгли, вместе с Джорджем Эддли, – ответил младший распорядитель турнира, к которому Джордж и обращался за разрешением занять арену в перерыв.

– Поздравляю вас, Бёгли, с хорошим выбором, – похвалил король.

Граф, который в первый раз видел молодца, понравившегося правителю, и, разумеется, ничего о нем не знавший, только молча наклонил голову. Когда тебя хвалят за то, в чем нет твоей заслуги, это все равно приятно. Кроме того, разве ему помешает лишний оруженосец хотя бы на время турнира?

– Вам следует прогнать его, Бёгли, он не имеет никаких представлений о чести и предаст вас.

Бёгли ответил ему весьма хмурым взглядом. Кому нравится, когда некто посторонний начинает говорить, как именно тебе следует поступать? Менее всего это привычно знатному лорду. Кроме того, Бёгли весьма прохладно относился к Йорку.

Король с любопытством покосился на разъяренного Бальдера, чье лицо, как всегда в минуты крайнего раздражения, пошло красными пятнами. Он любил сплетни не меньше своих

подданных и стараниями самого графа Йоркского был наслышан о его бедах. Они его забавляли. Кроме того, столь бойкий молодой человек, так ловко сумевший соблазнить знатную леди (в конце концов, это же не жена Ричарда, а беды ближнего, тем более такие личные, всегда в глубине души веселят), заслуживал внимания.

– Уж не этот ли молодой человек так ловко проник в вашу спальню? – со смехом спросил он. – Только можно ли обвинять его в предательстве, если ваша супруга сама открыла дверь? Вам следовало бы лучше следить за своей красавицей женой, чем обвинять кого-то в предательстве. Молодой оруженосец будет участвовать в общем бою.

Бальдер только скрипнул зубами. Но... С королем, конечно, не спорят, и он смог сделать только одно – покоситься вслед уже успевшему уйти недругу и прошипеть:

– Общий бой? Ну ладно, посмотрим. Там ты мне попадешься...

ГЛАВА 5

Поединком Монтегю и Стаффорда день завершился, и Джордж Эддли, к тому моменту успевший выбраться из своих доспехов, радостно оскалил зубы в улыбке. Зубы у него были безупречные.

– Ну, как ты? Где, кстати, остановился?

– Да нигде.

– Ясно. На этот вечер могу пригласить тебя к себе. Вернее, к графу Бёгли, который сегодня позвал гостей, и нас, конечно, угощением не обойдут. Завтра он вряд ли будет рад тебе – после больших трат на пиршества его охватывает жадность и он начинает на всем экономить.

– Какой странный лорд, – изумился Дик.

– Ничего странного, только поэтому он время от времени еще может устраивать такие роскошные приемы, как сегодня. С финансами у него не все ладно.

– Бывает.

– Но завтра ты сможешь переночевать в королевском дворце. Не волнуйся, после завтрашнего дня ты станешь совсем своим в этой армии едоков. – И он покровительственно похлопал нового друга по плечу.

Разумеется, Дик не стал отказываться, только предупредил:

– Я не один.

Джордж только руками замахал, мол, что за беда. Граф Бёгли был владельцем довольно большого дома в Лондоне, который, конечно, мог вместить всех гостей, но только на время пира, не более того. Это относилось в первую очередь к знатым гостям, они после угощения и развлечений должны были вернуться к себе. Дик же и Серпиана вполне могли переночевать где-нибудь в уголке, в комнате, до отказа набитой спящими. Они нисколько не смущались подобной перспективой. Дик, говоря по правде, хотел только одного – поесть и был уверен, что того же хочет и его спутница.

– Жареное-то мясо ты ешь или тебе необходимо закусывать сыром? – спохватился он уже почти на пороге трапезной залы.

Девушка успокоила его:

– Время от времени нужно, но не так часто. Обойдусь, если, конечно, на этом столе будет мясо.

Мясо было. Граф решил нарушить обычай, в соответствии с которым все блюда подавались сперва на верхний стол, и гости выбирали себе все, что им нравится, по старшинству, постепенно передавая блюда все ниже и ниже по столу. Разумеется, лучшие лакомства и здесь предлагали сперва хозяину и его почетным гостям, но на каждый стол поставили по огромному блюду с самым незатейливым мясом – говядиной, свининой, курятиной, и, по крайней мере, оно-то должно было достаться оруженосцам и старшим слугам (младшие все равно оставались голодными, потому что бегали с блюдами). Возле каждого гостя они положили стопку лепешек, потому что на такую ораву мисок не напасешься, и их не было вовсе, только у самых знатных, да и то они предназначались для костей.

Дик ухаживал за Серпианой, а его потчевал Джордж. Он, находящийся в фаворе у графа Бёгли, сидел довольно высоко, хотя не имел сколько-нибудь стоящего титула (все досталось его старшему брату, как водится), и нового друга и его спутницу посадил рядом с собой. Хозяин дома, уже успевший выпить королевского вина в почетной ложе, был настроен благодушно и не заметил этого. Молодой корнуоллец начал с того, что подвлок поближе к себе отлично прожаренного каплуна с большого блюда и показал на него девушке, мог, угощайся, пока есть. Та радостно улыбнулась – любому мясу она предпочитала птицу – и вцепилась зубами в оторванную ножку. Зубки у нее были белые и очень мелкие.

– За короля! – воскликнул кто-то из знатных гостей, и кубки, наполненные у кого чем, взлетели над головами. Король, который не пренебрег приглашением графа Бёгли, поощрительно покивал. Его золотой кубок, изукрашенный агатом, был полон лучшего вина, и слуга с кувшином стоял за его спиной, зорко следя, чтоб в королевской чаше не показалось дно.

Выпили. Дик налил себе пива – оно было куда приятней, чем то кислое вино, которое оказалось на их столе, – и подставил свою лепешку под кусок пирога, приехавший с верхнего стола. Из кухни принесли сразу десяток огромных круглых пирогов, начиненных самым разным мясом, потому, хоть знатные гости и взяли себе по куску, осталось еще немало. Дик не стал ждать следующего возлияния вгрызся в начинку, не коснувшись хорошо пропеченной корки. На зубах хрустели мелкие птичьи косточки. Впервые в жизни ему довелось есть пирог с яблоками.

– Хочешь яблока? – спросил он Серпиану, отламывая кусок от пирога.

– Нет. Я предпочитаю яблоков сырыми, – очаровательно улыбаясь, ответила девушка, доглядывая куренка.

Когда с кухни понесли рыбные блюда, знать уже утолила первый голод, начались разговоры и смех. Все обсуждали турнир – конечно, а что же еще?! – и смеялись, вспоминая то графа Норфолка, упавшего на траву, как мешок, то удивленные глаза графа Экзетера под разбитым в лепешку шлемом, то веселого хвастуна Глостера, сбитого наземь в первом же бою. Вспомнили и двоих оруженосцев, позабывших обо всем на свете и заставивших ждать благородных лордов Монтегю и Стаффорда. Дик с улыбкой выслушал лавину беззлобных шуток в адрес двух молодых людей, неопытных настолько, что они забывают обо всем вокруг, когда дорываются до драки, потому как про себя-то прекрасно знал, что ни о чем не забыл, все видел и слышал. Просто не хотел прерываться. С какой стати? Чем он хуже этих надутых графов? Только тем, что родился не в законном браке?

«Если б я родился в законном браке, вы гнули бы передо мною шею, – подумал он, украдкой косясь на отца. – Потому как я был бы сейчас наследным принцем, графом Пуату и герцогом Аквитанским!». – Эта мысль совершенно поправила его настроение. Тем более что пока никакого наследного принца, графа Пуату и герцога Аквитанского и в помине не было – король не удосужился жениться. Проект марьяжа с сестрой короля французского Алисой (надо же, такое же имя, как у мамы, подумал Дик), расстроился не без участия благородной матушки Ричарда, Альенор Аквитанской. И, кажется, сейчас вернулись к тому же варианту, который был на примете двадцать лет назад, когда Алиса Уэбо еще не разродилась, – брак с дочерью короля Наварры и Португалии Беренгерой.

Оказалось, не у одного Дика мысли пошли в этом направлении. В самом деле, новый король взошел на трон, он уже не так молод – тридцать два года – и до сих пор не женат. Это в мире, где брак двенадцатилетнего мальчика с девятилетней девочкой воспринимается как нечто нормальное? Непорядок! Пусть никто, кроме королевы-матери, не решался заговорить с его величеством напрямую, разговоры по столам пошли, и даже не вполголоса. Дик молча слушал и жевал. Почему-то ему было немного грустно. Он представил свою мать рядом с Ричардом. Пожалуй, они смотрелись бы не хуже, чем любая другая пара. А чем плоха была бы Алиса Уэбо для короля? Да ничем. Просто она – не принцесса, и жениться на ней невыгодно. Вот и все.

Когда на столы понесли сласти, Дик уже был сыт по горло. Он только подталкивал пышные сладкие пирожки на меду и куски имбирного печенья своей спутнице и угощался пивом. Заметив, что и Серпиана стала равнодушна к еде, он наклонился к ней:

– Ты сыта?

– Более чем.

– Тогда пойдем потихоньку.

– Разве ты не хочешь послушать разговоры? – осведомилась она.

Оценив предусмотрительность Дика, Эддли последовал за ними и в коридоре схватил друга за локоть.

– Граф говорил со мной насчет тебя.

– Он позволил остаться? – Дик остановился, придерживая спутницу за руку.

– Да, конечно. И позволил участвовать в завтрашнем бою в качестве оруженосца под его знаменем. Но он поинтересовался у меня, за что тебя так не полюбил Йорк. Из-за той истории с Альенор, я же прав?

– Я на подобные вопросы не отвечаю.

– Да я понимаю! Я и спрашивать бы не стал. Просто я к тому, что завтра на арене Йорк тоже будет. Тебе стоит быть внимательней и осторожней.

– Я буду, конечно.

Джордж удовлетворенно кивнул:

– Ну вот, хоть один здравомыслящий человек на моей памяти.

В тот уголок, где предполагал устроиться, Дик навалил большую охапку соломы, потом еще одну и уложил Серпиану у стенки, отделив ее своим телом от зала. Во избежание. Даже Эддли поглядывал на девушку с интересом, хоть и не напоминал человека, способного уводить девушек у друзей. С Джорджем они успели выпить вместе несколько больших кружек пива, запить их большими кубками вина и поклясться в вечной дружбе.

– Надо выпастся. – Эддли зевнул во весь рот. – А то завтра...

Дик не успел дослушать – он отключился.

Наутро ветер разогнал облака, выглянуло солнышко, и сей факт у рыцарей, которым предстояло целый день жариться в железной чешуе, вызывал никак не радость, а только уныние. Но бой был назначен именно на этот день, а приказать солнцу не мог даже король. Впрочем, ему-то как раз и не предстояло жариться – распорядитель турнира и сенешаль сумели убедить государя, что правителю негоже участвовать в схватке, в которой будут толкаться не только знатные графы и бароны, но и всякая шушера. На самом деле они просто опасались, как бы государство не было принуждено еще раз тратиться на коронацию, потому что на турнирах, как в бою, бывает всякое. Кроме того, до сих пор неизвестно, кого на этот раз пришлось бы короновать – то ли молодого Иоанна, брата нынешнего короля, то ли малыша Артура, племянника. Как известно, гражданская война обходится еще дороже. Короче, лучше побережь то, что есть. Если на войне король, как правило, стоит на холмике позади войска, наблюдая за ходом боя, и наибольшее, что ему грозит, – это плен, то турнир куда более непредсказуем. Не бывало еще ни одного турнира, после которого не случилось похорон.

На этот раз король послушался уговоров, но сам себе пообещал, что это – в последний раз.

Под солнцем шелковые стяги выглядели куда нарядней, чем накануне, страусовые перья искрились всюду, горела золотая отделка на металле – словом, турнирное воинство представляло собой великолепнейшее, пышнейшее зрелище. Простолюдины, пришедшие сюда только затем, чтоб полюбоваться на чужое богатство за неимением собственного, которым можно щегольнуть, приветствовали появление знати громкими воплями.

Рыцари быстро разобрались под стягами своих сюзеренов, подождали, когда король с недовольным видом уселся в кресло и махнул рукой, разрешая начать. Наблюдая за тем, как с криками отряд кидается на отряд, он подумал, что вот такое созерцание не доставляет почти никакого удовольствия. То ли дело рубиться самому.

Дик из осторожности держался поближе к Джорджу, но вовсе не потому, что так уж боялся графа Йоркского, просто хотел получше сориентироваться. Его стяг он, конечно, разглядел, и теперь ждал, когда граф сделал первый шаг.

Так и случилось. Первыми к Дикуну подскочили двое оруженосцев Йорка, за ними бежал еще один, и, внутренне смеясь, что, похоже, число три стало для него неизбежностью жизни,

молодой воин принялся рубиться. Он спиной чувствовал присутствие Эддли и уже знал, что сзади к нему никто не подойдет. А это, пожалуй, самое главное и единственное условие хорошего боя. Дик встретил первого противника широким сметающим ударом и рассадил ему край щита, сделанного, видимо, не так добротнo, как следовало бы. Второй попытался пустить в ход булаву, причем, похоже, куда более тяжелую, чем это было позволительно на турнире.

Отскочить Дик не мог, потому что сзади был Джордж, он поставил щит, принял на него удар и тут же увел в сторону, чтоб не пострадала рука. Палица полетела в землю, и, не тратя времени и развернув меч так, чтоб не пораниться, Дик ударил противника его литой рукоятью в лицо. Шлем, более открытый, чем обычно, предоставил ему такую возможность. Оруженосец Йорка схватился за шлем – Дик сильно ударил его, чтоб наверняка обезвредить надолго, но при этом не убить. Второй его противник фехтовал, как оказалось, не слишком-то хорошо и быстро лишился оружия. Дик толкнул его ногой, отшвырнул подальше, и, поскольку пробраться через ряды сражающихся без оружия было невозможно, незадачливый нападающий попросил пощады. Третий подоспел как раз вовремя, чтоб наброситься на уже освободившегося Дика. Молодой корнуоллец рубился с ним недолго – обернувшийся Эддли помог ему перевернуть оруженосца к бревну и обезоружить.

На смену оруженосцам явились двое рыцарей все с теми же значками Йоркского графства на тунике, потом еще трое. Но это нападение уже было воспринято как нападение не только на Дика – приближающихся йоркцев увидели все рыцари графа Бёгли и радостно кинулись им навстречу, Молотить противника большой компанией всегда приятней, и Дик с удовольствием раскрутил меч перед шлемом одного из рыцарей – он помнил его еще по времени службы у Йорка и не слишком-то любил. Рыцарь попытался ударить мечом вниз, попал в подставленный щит и заодно получил по шлему сверху – ремешки шлема лопнули, и он упал на траву вместе с подшлемником, открыв растрепанное и растерянное лицо. Это уже был проигрыш.

Любопытствующий мог заметить, как ярится граф Йоркский, видя, что ни один из его людей не может покончить с ненавистным врагом. Бальдер, как и все, прекрасно знал: на турнире случается всякое и если кого-то вынесут с арены на носилках, никто не удивится. Под конец он не выдержал и стал пробиваться к Дикю. Перед ним расступались – все-таки он был графом, одним из знатнейших и богатейших в Британии. Молодой корнуоллец развернулся к нему навстречу, заранее улыбаясь, – приятней столкнуться со своим врагом лицом к лицу, чем испытывать мелкие и крупные уколы с его стороны. Кроме того, Дик вспомнил своего коня, застреленного в лесу разбойниками, подосланными, кстати, Йорком, и теперь был доволен, что может хотя бы попытаться дать Бальдеру по физиономии.

Они скрестили мечи, и Аленор на трибуне порозовела от удовольствия, став настолько красивой, что даже король взглянул на нее в раздумье: мол, конечно, не поход, но почему бы и нет... Молодой женщине не могло не понравиться, что в конце концов двое мужчин дерутся из-за нее, и она совсем не думала о последствиях.

Бальдер был силен, как истый потомок викингов, когда-то обосновавшихся на острове, и довольно искусно владел мечом. Дик отпарировал первые выпады Йорка, примериваясь к его манере, и атаковал сам – он тоже был в раздражении. Его нисколько не смущала репутация Бальдера, одного из лучших воинов среди знати, но и ускорить дело он не стремился. Парируя выпады графа, Дик искал возможности добраться до своего противника. Окружающие расступились, в стороне рыцари еще тузили друг друга, те же, кто оказался рядом, просто стояли и смотрели на поединок.

Клинки скрещивались, летели искры, Дик вертелся не желая принимать атаки впрямую – оружие графа было лучше, чем у него, и клинок молодого корнуолльца мог сломаться. Это было бы концом – оруженосца, чтоб поднести новый меч, у Дика не было. Он попытался отскочить, но не успел сделать это. Меч прошелся по нагруднику Дика – скользящий удар толкнул его на траву. Падая, он понял, что надо быть осторожней. Йорк, конечно, немедленно решил

воспользоваться представившейся возможностью, прыгнул вперед, занося меч, но Дик откатился в сторону и быстро поднялся на ноги. Под удар сверху он подставил щит, не имея возможности предпринять что-либо еще.

Удар тяжелого меча оказался очень силен, куда серьезней, чем позволительно на турнире. Щит треснул и раскололся, пришлось его бросить. Молодой воин был слегка оглушен, он замотал головой, пытаясь прояснить сознание. Бальдер же не терял ни минуты. Он усмехнулся с торжеством, выхватил кинжал и изо всех сил ударил противника в бок.

Но графа ждало разочарование: отлично закаленная сталь пробила кольчугу и натолкнулась на металл. Откуда Бальдеру было знать, что молодой воин поддел еще одну кольчугу – ту, которую снял с лорда Мейдаля. Молодой корнуоллец все-таки решил надеть ее, причем именно так, под обычную, и в бою практически не ощущал дополнительного веса. Теперь же Дик ощутил лишь сильный толчок, кроме того, удар словно бы что-то смягчило. Не тратя времени, он махнул мечом и попал по шлему Йорка. В ушах Бальдера зашумело. Дик ударил еще раз, сбил шлем и добавил кулаком по графской скуле. Йорк рухнул на траву.

От королевской трибуны уже бежали глашатаи, призванные прекратить схватку, заходящую слишком далеко. Разумеется, волновались они не за безвестного оруженосца, а за графа.

Йорка подняли и унесли, и, глядя ему вслед, Дик подумал, что его желание отомстить хоть немного, но утолено. Он скользнул взглядом по трибуне: величавая Альенор, судя по ее виду, ждала, что он поклонится ей, а она, конечно, будет воротить нос, получая от этого ни с чем не сравнимое удовольствие. Молодой корнуоллец ее горько разочаровал – отвернулся туда, где стояла Серпиана, грустно косящаяся на рассыпанные перья и размышляющая, что неплохо было бы поесть, причем желательно чего-нибудь живого, трепещущего, и послал ей воздушный поцелуй. Девушка-змея не была знакома с этим обычаем – так выражать внимание, но ответила взглядом, полным надежды. И правильно, кто еще мог отвести ее туда, где можно перекусить?

Дик и сам был уверен, что теперь все отправятся на обед. Но ошибся. Раззадоренный увиденным, король вскочил и пожелал также сразиться с кем-нибудь. Оруженосцы Ричарда кинулись за королевскими доспехами.

Сказать по правде, энтузиазма среди рыцарей и знати не наблюдалось. Всей Англии было известно, что король, который очень любит сражаться в поединках, очень не любит проигрывать. Его мстительность, как и многие качества королевской души, не имела границ, и потому ощущался острый недостаток в желающих сражаться. Говоря проще, их попросту не имелось.

– Подожди меня, – бросил Дик Джорджу Эддли и направился туда, где ждал его конь.

Эддли улыбнулся снисходительно.

Оружные и доспешные дворяне, сгрудившиеся у почетной трибуны, о чем-то рьяно спорили с распорядителем турнира, и похоже, все склонялось к тому, чтоб противника королю выбирать жеребьевкой или назначать по разнарядке.

Разрешилось все, как всегда, случайно и наилучшим образом. Дик вскарабкался верхом и обогнул толпу. Перед ним расступились, и на многих лицах отразилось облегчение. Многие, впрочем, смотрели иронически.

Дик только улыбнулся. Конечно, большинство провинциальной молодежи считало честью скрестить свой меч с государевым, думая, что это верный шаг к месту при дворе, богатству и большой славе. И все старались не вспоминать, что помимо страстной любви к выигрыванью и – как следствие – близкому знакомству с игрой «в поддавки», венценосный Ричард был еще и великолепным воином. И что бы там ни говорили о нем, вполне мог вышибить мозги противнику. Другое дело, что он хотел быть лучшим, а потому бил всегда в полную силу, и добрая половина, а может быть, и две трети желающих мериться с ним силами молодежи прощались с жизнью или конечностями вместе с военной карьерой.

Но Диком двигали вовсе не соображения честолюбия, а настоящее любопытство. При виде подъезжающего всадника кучка дворян возле почетной трибуны рассеялась, распорядитель торжеств приободрился и вместе с чопорностью напустил на себя отеческую заботливость и любезность.

– Кто ты... молодой человек? – спросил он, успев прикинуть, что с молодым оруженосцем, которого уже отметили, король может согласиться сражаться.

– Я – Ричард Уэбо из Уолсмера. – Дик снова нагло назвал фамилией отчима. – Я льстил себя надеждой, что король снизойдет до схватки со мной.

– Ты – рыцарь?

– Нет, в рыцари я еще не посвящен.

Распорядитель покачал головой. Его терзали два противоположных стремления – показать пришлецу все величие требуемой им милости и не упустить добровольца.

– Вряд ли, вряд ли. Биться с его величеством – великая честь, не каждому рыцарю он оказывает ее. Но... погоди. Король – милосердный правитель и доблестный воин. Может быть, он и снизойдет. Жди.

Скоро государь величественно вывернул из-за угла – уже полностью готовый к бою, на коне, похожем на средних размеров черного бычка, в шлеме, с мечом у пояса. Вслед за ним, торопливо перебирая ногами, бежали оруженосцы и волокли по несколько затупленных копий и одно боевое – на всякий случай. На коне Ричард выглядел сушей башней, уширенный и увеличенный литыми наплечниками с золотой гравировкой и высоким шлемом. Упакованный в кольчугу с ног до головы, он производил впечатление самое устрашающее.

Сгибаясь и вжимая голову в плечи (известное дело, никогда не угадаешь, на что в следующий раз оскорбится и разгневается его величество), распорядитель турнира подскочил к королю и что-то стал ему говорить, кивая в сторону Дика. Нетрудно догадаться, о чем шла речь. Распорядителю необходимо было, с одной стороны, полностью угодить государю, а с другой – не поссориться со знатью. Опытный царедворец, конечно же, принялся упираться на то, что безвестный молодой человек показал себя неплохим воином, и, кроме того, должно быть, он странствующий, хоть и не рыцарь – словом, ситуация вполне романная.

Король выслушал, кивнул, и тронул коня. Дик склонился в поклоне к луке седла и ждал, пока ему разрешат развернуться.

– Кто ты? – спросил на этот раз сам правитель, говоря откровенно, довольный, что с такой просьбой к нему обращается юноша, так понравившийся ему.

– Ричард Уэбо из Уолсмера, – повторил Дик.

– Корнуолл, – проворчал государь.

– Я всегда был верным слугой вашего величества.

И если, произнося «Корнуолл» с раздражением, король выразил свое неудовольствие, ибо вспомнил первый на своей военной памяти бунт, подавленный благополучно и самостоятельно, то ответ его вполне удовлетворил. Чтоб добиться чести скрестить копьё с королем, Дику даже не пришлось прибегать к лести, которая в условиях двора постепенно становилась обычной вежливостью.

Их развели по сторонам длинной арены, и дамы, казалось, так много сил потратившие на то, чтоб приветствовать участников турнира, собрались с духом и принялись шумно рукоплескать доблестному королю, вышедшему поразмяться. Молодой воин надел шлем. Затупленное копьё ему собственноручно вручил Эддли.

– Смотри только, – выплюнув изо рта травинку, проворчал он, – короля по шлему не ударь – очень он это не любит. И мечом по шлему со всего размаха не бей. У государя голова – самое важное место.

Хохот Дика заглушил приветственный шум трибун и простонародья, чувствующего себя вполне вознагражденным за все тяготы жизни таким восхитительным зрелищем – правитель, молотящийся с кем-то в поединке.

На турнирах Дик раньше участвовал только в общем бою, да и то лишь пару раз, потому на коне, да в разгоне, да с копьём чувствовал себя не слишком уверенно. Его конь был куда опытней нового хозяина, потому, почувствовав себя в привычной стихии, для которой его, собственно, и готовили, сразу взял нужный темп рыси, плавно переходящий в ровный галоп, очень выигрышный для того, чтоб точно ударить куда надо. Молодой воин справился с длинной неудобной жердью, по недоразумению считающейся копьём, и жестко нацелил острие. В прорези шлема он уже видел несущегося на него короля.

Удар! Да, о копье Дик вспомнил, а вот о том, чтобы правильно развернуть щит, забыл. Копье Ричарда ударило в его щит так, что вся сила этого удара не погасла в развороте, а ушла в толчок, и Дик вспорхнул над седельной лукой с такой резвостью, словно весил не больше шелкового платка. Летя по крутой дуге, он уже прикидывал, какие именно конечности сейчас сломает, но приземлился на удивление мягко. То есть, разумеется, в первый момент столкновение с матушкой-землей у него перехватило дыхание, но зеленое марево перед глазами рассеялось уже в следующее мгновение. Слегка нагрелся заветный браслет на запястье, и в тот же миг молодой воин ощутил, как стремительно приходит в норму. Ловко повернувшись, Дик вскочил на ноги и тут же согнулся в поклоне в адрес подъехавшего короля.

Похоже, Ричарду это понравилось. Отшвырнув копьё (его попытался подхватить оруженосец, но вовремя сообразил, что рискует жизнью, и успел увернуться), государь спешил и вытащил меч.

– Продолжим, – гулко сказал он. Дик снова поклонился, но на этот раз не выпуская из поля зрения оружие правителя.

– Почту за честь! – И вынул свой. Теперь он порадовался, что решил не брать на арену новоприобретенный меч с неизвестными ему магическими возможностями. Друид же предупреждал – осторожнее. Бог его знает, что может получиться, если в бою адресно пожелать противнику, скажем, молнию в нижнюю часть спины. Вряд ли его величество простит ему такое надругательство над собой. Поэтому Дик опять прихватил свой старый меч, добротный и безыскусно-простой, без каких-либо магических фиговых-миглей.

Они скрестили клинки. С мечом Дик был, конечно, куда ловчей, чем с копьём, да еще и на полном скаку, но уже несколько подустал. Его это не обескураживало. Не в поисках же славы лучшего воина он сюда вышел и, будь у него другая возможность как-то еще встретиться лицом к лицу с отцом, он вообще не стал бы сегодня еще с кем-то биться. А потому предпочитал парировать, уворачиваться и вертеться настолько быстро и резво, насколько позволял тяжелый доспех. Тридцатифунтовая кольчуга – это все-таки большая нагрузка. Он радовался только тому, что был великолепно тренирован и мог не реагировать на подкрадывающуюся усталость еще какое-то время. Он не только уворачивался, но и ставил блоки, причем со знанием дела – больше никогда прямо, а только с тем, чтоб увести меч противника в сторону или в землю.

Надо отметить, что его величество владел мечом очень хорошо. У него был тяжелый длинный клинок, чуть-чуть только не дотягивающий до двуручника, а у оруженосца, стоящего наготове поодаль, – еще и его булава, дожидаящаяся своей очереди, буде таковая настанет. Покосившись в подходящий момент на булаву – большой шипастый железный шарик на длинной ручке, Дик решил сдаться раньше, чем правителю придет в голову мысль опробовать и это оружие на своем противнике.

Словно забыв им же самим возведенный в закон принцип «не отвлекайся», Дик все же отвлекся на эти мысли, и король, воспользовавшись первой возможностью, попытался вышибить меч у него из рук. Удар был сильный. Следовало отметить, турнирная слава Ричарда I явно возросла не на лъстивых песнях менестрелей. Дик отпрыгнул, отмахиваясь, попытался

контратаковать, царапнул по нагруднику короля, нисколько не сбив его с ритма движения, еще раз отпарировал прямой рубящий удар сверху и упустил оружие из ослабевших от усталости пальцев. Меч со звоном упал на камни, прячущиеся в траве. Молодой воин нагнулся было поднять свое оружие, но, остановленный клинком короля, выпрямился. Слегка поклонился.

Довольный результатом боя, Ричард сам стащил свой шлем и благосклонно взглянул на противника.

– Напомни, откуда ты родом? – спросил он добродушно.

– Из Уолсмера, государь. Это в Корнуолле.

– Да-да, я знаю. Сколько тебе лет?

У Дика сжалось сердце – неужели вспомнит... Рассчитывать на это мог только глупец, и уже в следующий миг молодой воин понял свою ошибку и мысленно посмеялся над собой. Король, конечно же, не помнит не только Алису Уэбо из Уолсмера, но и сам случай. Но ни одним мускулом Дик не дал понять окружающим, что творится в его душе, – владеть собой он умел.

– Девятнадцать, государь.

– Что ж, возраст свершений. – Король покивал. – Собираешься ли со мной в поход на Восток, Ричард из Уолсмера?

Дика словно что-то толкнуло.

– Конечно, государь! – Впрочем, при всеобщем сборе в поход сказать иначе было попросту невозможно.

– В Палестине ты, думаю, отличишься и непременно станешь рыцарем. Впрочем... Преложи колено, Ричард Уэбо из Уолсмера.

Удивленный, Дик охотно опустился на одно колено перед своим сувереном и отцом. Король поднял меч.

– Я, твой государь, Божьей милостью король Англии, посвящаю тебя в рыцари во имя Господа, Святого Михаила и Георгия, сэра Ричард Уэбо из Уолсмера. Будь мужествен, храбр и честен. Стерпи этот удар и ни одного более. Встань. – Ричард, довольный своей щедростью, улыбался. – Кстати, запомни, что сегодня я хочу видеть тебя на своем пиру.

– Благодарю вас. Это большая честь, государь, – Дик, ошеломленный неожиданной и такой огромной милостью, не нашелся, что еще сказать. Только снова поклонился.

Король отвернулся и зашагал прочь. Подошедший к корнуоллцу Джордж Эддли похлопал его по плечу, укрытому наплечником, и от души поздравил. В его поздравлении не было ни капли зависти – только радость за друга.

– За это надо выпить, а, Дик?

– Да уж, – согласился тот, ощущая приятную усталость в теле и неприятные спазмы в желудке.

Приглашение на ужин за королевским столом было кстати – кроме как во дворец, Дику больше некуда было идти. Приглашение на пир решало многие проблемы, в том числе, и с деньгами. Конечно, пока блюдо пройдет всех графов, герцогов и баронов, на нем останутся только кости. Но уж благословенной фасолью или бобами, конечно, накормят досыта.

ГЛАВА 6

Дику, естественно, не выделили отдельной комнаты – на такую привилегию могли рассчитывать разве что самые знатные графы и герцоги, а может, и не все. Допустим, во дворце пятьдесят комнат и зал (больше быть и не может, если вспомнить, сколько вспомогательных помещений требуется дворцу – от кладовых до конюшен), а ко двору съезжается вся знать с женами, любовницами, слугами и свитой – и всех надо разместить. Не забыть тех чиновников и прислугу, которая всегда находится при короле, да ту, что добавляется на время празднеств, хотя бы одних поставщиков посчитать, уже получится много. Словом, благо, что турнир проходил в Лондоне, а не в Дорсете или, того хуже, Коуике, где королевские замки размерами напоминают жилище мелкого барона и имеют, соответственно, пять-шесть жилых помещений и никакого города в пределах досягаемости. Здесь же, в столице, предвидя обычную тесноту, наиболее знатные и богатые дворяне арендовали городские дома, где и ночевали. Знать рангом пониже снимала комнатки, но даже при этом в королевском дворце было попросту не повернуться. Ночами рыцари, солдаты, слуги и собаки, не поместившиеся на псарне, спали вповалку на полу, где попало, и это было еще не худшим вариантом.

Дику досталось неплохое место – на конюшне, в сене; там он положил отдыхать накормленную Серпиану. Блюда с мясом до них, сидевших почти в самом конце стола, конечно, не дошли, но девушка не растерялась. После короткой отлучки она вернулась порозовевшая, с сытыми глазами и несколькими куриными перышками, запутавшимися в волосах, а Дик вспомнил, что за дворцом имелся неплохой птичник. По случаю турнира с окрестных деревень птицу свозили, не считая, так что вряд ли слуги обнаружат отсутствие одной-двух квочек или каплуна. Не фасолью же змее, в самом деле, питаться.

Спутницу он уложил, закутав в свой плащ, улегся рядом, но сон все не шел. Лежа на спине, уставившись на пощелкивающий, иногда начинающий чадить факел, молодой воин переживал встречу с королем. Так и хотелось воскликнуть: «Так вот он какой!...» Ричард был примечателен своей внешностью – высокий, кряжистый, крепко сбитый. Не слишком широкоплеч, но в кольчуге, да с наплечниками, да с нагрудником, он смотрелся настоящим богатырем. Закончив поединок, он снял шлем, освободив густую копну темно-русых волос и короткую темно-русую бородку, посмотрел на своего противника холодными серыми глазами, которые немного потеплели во время разговора. В короле причудливо смешались черты, принесенные скандинавскими викингами в Нормандию, французские черты и уже привнесенные англосаксонские.

Пожалуй, с точки зрения женщины, он должен был показаться красивым. Приподнявшись на локте, Дик взглянул на спокойно спящую Серпиану. Ему захотелось разбудить ее и спросить, понравился ли ей Ричард или нет. Уже даже потянулся потрогать за плечо, но остановился. Вряд ли девушке понравится, что ее разбудили по такому мелкому поводу.

Кстати, король и в самом деле довольно силен как воин. Несомненно опытен. Интересно, удалось бы ему, Дику, одолеть правителя при помощи магии. Молодой воин посмотрел на браслет, и тот, словно почувствовав внимание, слегка заискрился. Не так много времени прошло с того момента, как Дик впервые ощутил в своих руках силу и пустил ее на несомненно магическое деяние (в котором даже и каяться теперь опасно: для любого священника содеянное им – смертный грех и святотатство). И вот теперь он уже ясно ощущал, что сила, накопленная им заново, достаточна для того, чтоб отправить его опять в какой-нибудь иной мир...

Нет, спасибо, нагулялись по чужим дорогам. Больше не хочется.

Но если путь его лежит на Авалон, не будет ли это снова путешествием в иной мир?

Наверняка.

Эх, и зачем это только надо...

Тут же пришел ответ; Авалон, конечно, мир другой, нежели старая добрая Англия, но он крепко привязан к ней и без нее не существует. И законы там царят почти те же, что на родине Дика.

Он вытянул вперед руку и сосредоточился на оранжево-белой жаркой шапке факела. Помедлив мгновение, над его ладонью ступило слабое сияние, и бледный свет сформировался в шарик желтоватого огня. Ладонь он не жег, парил, не касаясь кожи, и, пожалуй, мог осветить темное помещение или... Подумав, Дик развернул ладонь и метнул шарик в стену.

Он выглядел таким слабым, почти незаметным, но в дерево вгрызся с неожиданным пылом. Магический огонь оказался куда сильнее, чем обычный, над которым, раздувая из мельчайшей искорки, приходится колдовать упорно, долго, и еще не знаешь, когда именно она погаснет, и все это утомительное действие придется начинать сначала. Дик подскочил, растерянно глядя, как пламя охватывает уже третье бревно, спохватился и создал на ладони другой шарик, голубоватый, холодный, направил его в начинающийся пожар, и тот исчез в одно мгновение, остался лишь обугленный след на дереве.

– Неплохо, – произнес уже знакомый негромкий голос.

Дик, вскочив, вытянулся перед королем. Тот был уже без доспеха, но и без того роскошного, затканного золотом бархатного камзола, в котором присутствовал на пиру, – в обычной, даже не слишком чистой рубашке, край которой выбился из-за широкого кожаного пояса с золоченой пряжкой.

Король посмотрел на испорченную стену, а потом на Дика, припоминая его.

– Ага, – произнес он. – Ричард Уэбо. Из Уолсмера, кажется.

– Да, государь.

– Ладно, можно попросту. – Правитель был добродушен и в то же время высокомерен, мол, понимай, что «попросту» – это великая честь, и не забывай, с кем говоришь. – Что это ты тут устраивал? А?

Сказать правду? И что будет тогда? Конечно, вызывать церковников никто ради него не будет. Но испуганные люди, узнавшие, что Дик из Уолсмера умеет что-то такое, чего не умеют они, могут попросту попытаться забить его камнями. Кроме того, при дворе, естественно, имеется около десятка епископов – высших чинов Церкви, принимающих активное участие в светских делах, кроме того, капеллан короля и пара-тройка других священников. Церковь рьяно ополчается на любые проявления магического искусства, и вряд ли у священников нет в запасе ничего, чтобы противодействовать самому сильному магическому действию. Не зря же в этом противодействии Церковь одерживает верх, если друид, конечно, не солгал. А зачем ему лгать?

Но и королю лгать не хотелось. Кроме того, очень вовремя Дик вспомнил о том, что старик говорил ему о правителе. Именно от Ричарда он сам получил эту силу, разбуженную в друидском большом круге. Старик обмолвился о том, что сила Ричарда перешла в Дика, но целиком ли? До конца ли? И не почует ли король, что ему лгут?

– Это магия, государь. Легкая магия.

Ричард подошел к стене, провел по ней ладонью, усмехнулся. Дик только теперь удивился, что никто из спящих поблизости не проснулся. И, судя по всему, не собирался просыпаться.

– Очень интересно. – Он обернулся. – И хорошо, Ричард Уэбо. Говоря по чести, я питаю некоторую слабость к магии. К легкой магии. Собственно, к той, которая помогает брать города и побеждать армии. И мне приятно, что ты – юноша, который произвел на меня впечатление своей смелостью на турнире, – оказывается, еще можешь быть столь полезен мне. А потому я предлагаю тебе отправиться со мной в поход на Восток, но уже не как обычному рыцарю. Тех, кто может быть столь полезен мне, юноша из Уолсмера, я поднимаю высоко.

– Почту за честь, государь, – вырвалось у Дика, впрочем, ответить королю иначе в любом случае было невозможно, даже если у тебя есть свои планы. – Только... У меня были дела в Ирландии. Срочные и очень важные для меня.

– Что за дела? – нахмурился Ричард. – Они займут много времени?

– Нет, – поспешил молодой воин. Главное – отболтаться сейчас, добиться, чтоб тебя отпустили. Потом-то можно и не возвращаться, так ведь? – Нет, только туда и обратно.

– Хорошо. – Король ненадолго задумался, – Я буду ждать тебя в Марселе. Надеюсь, тебе хватит здравого смысла явиться. Это в твоих интересах, юноша. Ты, я думаю, знаешь, как Церковь относится к тому, что ты только что совершил. И понимаешь, что лишь король может защитить тебя от священников. – И вышел из конюшни.

«Вот так», – подумал Дик. Взобрался обратно на кипу сена, зябко закутался в плащ, хотя на дворе стояла очень теплая погода, можно сказать, даже жаркая, и весь двор провонял потом и ароматными водами, которыми умащивались дамы, потеющие под трех-, четырех-, а то и пятислойными платьями не меньше dospешных мужчин. Вот так, даже не слишком тонко, король намекнул, что вполне способен за неповиновение выдать понравившегося ему юношу Церкви. И чтобы в будущем иметь возможность гулять по полям и лесам старой доброй Англии, придется отправляться с Ричардом в поход.

На самом деле Дик и сам хотел этого. Ему было всего девятнадцать, а в этом возрасте – возрасте свершений – искренне хочется кого-нибудь победить, чем-нибудь прославиться, непременно повидать те страны, где золотом вымощена земля и где живут самые красивые в мире женщины. На поверку, конечно, обнаруживается, что и золота за морем не больше, чем на родине, и женщины встречаются самые разные, а на Востоке от любопытных взглядов они к тому же еще укрыты паранджами, наступает отрезвление, и человек возвращается обратно с остатками романтических представлений о мире и грузом такой полезнейшей вещи, как опыт.

Перевернувшись на бок, Дик внезапно встретился взглядом с Серпианой и даже слегка подскочил от неожиданности. Девушка лежала в той же позе, в которой заснула, но теперь ее глаза хитро поблескивали из-под длинных густых ресниц.

Молодой воин фыркнул и уронил голову на запястье.

– Так что же получается, вместо Авалона мы отправляемся в этот... как его... Марсель? – с любопытством спросила девушка.

– Ты слушала все?

– Да, конечно. Общение моего друга с королем – это же так интересно! Кстати, мне очень хотелось спросить у тебя, что у вас имеется такое интересное на Востоке, что только о нем и идут разговоры.

– Интересное... – проворчал Дик. – Хм... Знаешь, если так пойдет дело, тебе еще предстоит это увидеть.

– Ты возьмешь меня с собой на этот Восток?

– Куда же я тебя дену? В Англии тебя оставлять опасно. Я вижу, ты и здесь не можешь сдержаться. – Дотянувшись, он вытащил из ее волос куриное перышко. – Или ты хочешь вернуться обратно на свою родину?

Серпиана отрицательно помотала головой:

– У меня там никого не осталось. Да и, пожалуй, там для меня будет опасно.

– Как может стать и здесь, – вздохнул Дик, укладываясь поудобней, – если его величество решит исполнить свою угрозу... Ладно, давай спать.

Он опустил голову на руку и, видимо, мгновенно уснул, потому что очнулся от хорошего пинка в бок, от которого, собственно, полетел с копны сена на землю. Вместе с ним свалилось некое легкое и гибкое тело, в котором, уже встретившись с хорошо утоптанной землей, он угадал Серпиану. По тому, что, нисколько не удивляясь падению, она мгновенно порскнула вбок, Дик догадался, что именно она его толкнула, и, должно быть, не просто так. Подняв голову, он

обнаружил причину. В дверях конюшни появилась уже знакомая ему темная фигура, и тени, маячившие за ее спиной, намекали, что снова речь идет отнюдь не об одном противнике. Стоявший в дверях, похоже, уже успел метнуть одно заклинание, от которого голубоватым холодом потрескивали сухие стебельки как раз на том месте, где Дик только что лежал. Пальцы черного наливались сиянием, таким ярким, что оно было заметно даже в помещении, освещенном тремя хорошими факелами.

Голубоватое облачко сорвалось с руки нападающего раньше, чем Дик успел подняться хотя бы на колени, чтоб увернуться, но потеплевший браслет напомнил ему, что с некоторых пор он стал не совсем обычным человеком с не совсем обычными способностями. Толчком выбросив вперед свои ладони, он представил, что от летящего заклинания его отделяет прочная стена, хоть ее и нельзя рассмотреть глазами. Бледноватое марево, которое, как он подозревал, обычные люди никак не смогут увидеть или почувствовать, оказалось возле него в следующий же миг и едва различимым всплеском разлилось по той самой невидимой стене, которую он себе представил. Ладони Дика похолодели, кожу стало покалывать, а горло перехватило от того усилия, которое, оказывается, необходимо, чтоб сдержать напор магического холода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.